

Архимандрит Августин (Никитин)

КАЗАНСКИЙ СОБОР САНКТ-ПЕТЕРБУРГА К 200-летию юбилею

Статья представляет собой исследование по истории Казанского собора Санкт-Петербурга с момента строительства церкви Рождества Пресвятой Богородицы в эпоху Анны Иоанновны (1733 г.) до возведения на этом месте величественного Казанского собора при императоре Александре I (1811 г.). События из истории собора рассматриваются в контексте общей политической истории Российского государства. Приводятся многочисленные свидетельства как отечественных, так и зарубежных авторов и очевидцев описываемых исторических событий.

Ключевые слова: Казанский собор Санкт-Петербурга, архитектура, искусство, А.Н. Воронихин, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, переворот 1762 г., Екатерина II, Павел I, Александр I, М.И. Кутузов.

Николаевская эпоха (1825–1855)

Внезапная кончина императора Александра I и создавшаяся обстановка междуцарствия активизировала деятельность дворян, стремившихся к установлению в России конституционного строя. 14 декабря «северные» декабристы вывели на Сенатскую площадь несколько преданных им полков, надеясь оказать этой вооруженной демонстрацией давление на власть. «Во всем видна неурядица, — сетовал граф Федор Александрович Растопчин. — Присягнули императору Константину, а в церквах продолжают молиться об императоре Александре, ибо Синод не прислал указа архиепископу <...>»¹.

В самый критический момент великий князь Николай получил военную поддержку. Как пишет Александр Дюма, «отовсюду прибывали новые полки и немедленно занимали позиции. Саперы встали в боевом порядке у Эрмитажа, а с Невского проспекта появилась часть Московского полка под командованием

Архимандрит Августин (Никитин) — кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской православной духовной академии.

Окончание. Начало см.: Христианское чтение. 2011. № 6 (41). С. 90–133.

¹ Из записок графа Ф.В. Растопчина // Деятельность в XIX веке. Исторический сборник. Кн. 2. М., 1872. С. 144.

Ливена. Их появление восставшие встретили радостными криками. Они решили, что прибывают ожидаемые подкрепления. Но, вместо того, чтобы присоединиться к ним, новоприбывшие выстроились перед зданием Судебной палаты лицом к дворцу и, вместе с кирасирами, артиллерией и кавалергардами, замкнули восставших в железное кольцо»².

Но, помимо военной помощи, Николай обрел и духовную поддержку. О том, как это происходило, пишет все тот же французский романист.

«В этот момент, перекрывая шум суматохи, послышалось церковное пение, и на площади появился митрополит в сопровождении духовенства. Он шел из Казанского собора с иконами, чтобы во имя Неба приказать восставшим вернуться к исполнению своего долга. Но их руководители, выйдя из рядов, закричали священникам:

— Идите прочь! Не мешайтесь в земные дела!

Николай, опасаясь святотатства, приказал им удалиться. Митрополит повиновался»³.

В конце концов был отдан приказ стрелять по восставшим картечью, и восстание было подавлено.

«Когда зачинщиков повесили и суд был окончен, то служили в Казанской церкви молебен, и государь император присутствовал, и это было поставлено в укор, — пишет А.О. Смирнова-Россет. — А что если бы удалось им иметь успех, в России произошла бы кровавая и, как говорил Пушкин, незаконная и безрассудная резня»⁴. (Анна Осиповна неточно передает известные слова А.С. Пушкина, относящиеся к восстанию Е.И. Пугачева: «Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный»).

В те годы одним из клириков Казанского собора был протоиерей Петр Николаевич Мысловский (1777–1846). В эпоху «первого храма» он еще не был в штате Казанской церкви, а подвизался в сане протодиакона при Зимнем дворце. Вот что писал о нем С.П. Жихарев: «3 апреля 1807 г. Вчера познакомился с придворным протодиаконом, Петром Николаевичем Мысловским. <...> Мысловский знает музыку и играет на фортепиано. Голос у него не огромный, как у прочих протодиаконов, но, в замену, он отлично образован и, кажется, недолго останется в настоящем звании, а поступит на какую-нибудь видную священ-

²Дюма А. Путевые впечатления в России. Т. 2. М., 1993. С. 110.

³Там же. С. 111.

⁴Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 159.

ническую или протопопскую вакансию»⁵. А позднее, перечитывая свои записки, С.П. Жихарев сделал такое примечание: «П.Н. Мысловский впоследствии был ключарем, а, наконец, и протоиереем Казанского собора, и в этом сане некоторое время занимал должность увещателя подсудимых. Автор «Дневника» (С.П. Жихарев. — а. А.), в продолжение своего с ним знакомства, не может достаточно нахвалиться дружеским расположением этого достойного человека и обязан ему многими любопытными сведениями, не всякому доступными»⁶.

Особый интерес вызывает упоминание о том, что протоиерей Петр Мысловский был «увещателем подсудимых», т. е. исполнял обязанности тюремного священника. Именно ему довелось вести «душеспасительные беседы» с декабристами, находившимися под следствием. Одним из участников восстания на Сенатской площади был Н.В. Басаргин, оставивший потомкам свои воспоминания. Вот что пишет он о своей встрече с отцом Петром.

«Священник (протоиерей Казанского собора Мысловский, с которым многие из наших товарищей впоследствии очень сблизились и которого до сих пор они считают человеком, принимавшим в нас и личное сердечное участие), пригласил меня сесть на диван и начал беседу, уверяя, что он совсем не с тем видится со мною, чтобы стараться возбудить во мне раскаяние и уговаривать к сознанию; что хотя это именно поручено ему Комитетом и составляет его обязанность, но что он хорошо понимает, что такое поручение должно необходимо возбудить к нему наше недоверие; что не менее того, для него было бы чрезвычайно утешительно истребить в нас эту недоверчивость, чего впрочем он и надеется достигнуть своим к нам сердечным расположением: тогда мы вполне бы убедились, что он ничего более, как ревностный служитель алтаря, посланный Богом для утешения нас в нашем грустном заключении. <...> Беседа наша продолжалась недолго, и впоследствии он был у меня в каземате только один раз, для исповеди Великим постом. Более этого я не видал его»⁷.

В записках Н.В. Басаргина имя о. Петра Мысловского упоминается еще раз, когда речь заходит о казни декабристов.

⁵ Жихарев С.П. Записки современника. М.–Л., 1955. С. 458–459.

⁶ Там же. С. 458.

⁷ Записки Н.В. Басаргина // Деятнадцатый век. Кн. 1. М., 1872. С. 98.

«К четверым прислали протоиерея Мысловского приготовить к смерти, а к Пестелю (лютеранин по вероисповеданию. — *а. А.*) пастора, — пишет Басаргин. — Их вывели рано, — до свету, заковав прежде в железа. Выходя в коридор, они обнялись друг с другом и пошли, сопровождаемые священником и окруженные караулом. <...> Протоиерей Мысловский был при них до последней минуты. У двоих из них, кажется, Пестеля и Каховского, оборвались веревки, и они упали живые. <...> Говорят, что будто бы протоиерей Мысловский хотел было воспротивиться второй казни двух упавших, но что Чернышев настоял на этом <...>»⁸

Павел Иванович Пестель, известный как наиболее твердый в своих убеждениях, как единственный, не желавший каяться в «злоумышлении» как в грехе и предпочитавший спорить с тюремными священниками, логически обосновывая невозможность существования карающего и охраняющего порядок вещей Бога, собирался, «окончив дело, удалиться в Киево-Печерскую Лавру, сделаться схимником и тогда взяться за веру» (несмотря на принадлежность к лютеранству!).

Протестантский священник, который посещал П.И. Пестеля накануне казни, рассказывал, что тот все-таки, как бы нехотя, причастился. А на эшафоте он встал на колени перед протоиереем Петром Мысловским и произнес твердым голосом: «Отец святой! Я не принадлежу вашей Церкви, но был некогда христианином и наиболее желаю быть им теперь. Я впал в заблуждение, но кому оно не свойственно? От чистого сердца прошу Вас: простите меня в моих грехах и благословите в путь дальний и ужасный»⁹.

О подробностях покаяния П.И. Пестеля сообщил в своих записках Н.И. Греч.

«Есть слух, что пред смертью (П.И. Пестель) не хотел исповедаться и причащаться, — пишет Николай Иванович. — Это неправда: его не было в списке особ, причащавшихся у православного священника, потому что он был лютеранин. Его приобрел тогдашний пастор (и суперинтендент Рейнбот), живший в то время подле меня, на Черной Речке. В первом часу ночи приехал к нему адъютант генерал-губернатора, разбудил и просил приехать в крепость для напутствия приговоренных к смерти преступников. Рейнбот впослед-

⁸Там же. С. 110.

⁹Цит. по: НГ-Религии. 2000. № 23(70). 14 декабря. С. 1.

ствии рассказывал мне о последнем своем свидании с Пестелем. Он нашел его не упавшим в духе, но беспокойным и тревожным.

После первых слов о поводе к этому свиданию, Пестель начал говорить о своем деле, стал оправдываться, жаловаться на несправедливость суда и приговор, причем беспрестанно хватался за галстух. Рейнбот, выслушав его внимательно, сказал ему: “Теперь Вам не до света и не до его мнений: Вы должны помышлять о том, что вскоре явитесь перед Богом”. В дальнейшей беседе Пестель еще порывался оправдываться, но Рейнбот наводил его на предмет своего посещения. Наконец Пестель покорился и исполнил обряд, с благоговением, и просил пастора передать последнее *прости* его родителям»¹⁰.

Исполнение тяжелого пастырского долга не помешало о. Петру Мысловскому проявить себя в научно-богословской сфере, и впоследствии он стал членом Российской Академии. 3 декабря 1832 г. о. Петр подал свой голос за избрание А.С. Пушкина в члены Российской Академии. 8 декабря 1834 г. о. Петр Мысловский и А.С. Пушкин присутствовали на заседании Академии и подписали письмо об издании «Краткого священного Словаря» А.И. Малова¹¹.

В Санкт-Петербурге издавна была заведена традиция совершать крестный ход из Казанского собора до Александро-Невской Лавры. Процессия следовала каждый год 30 августа (ст. ст.), в память перенесения мошей св. князя Александра Невского. Внимание иностранных гостей неизменно привлекало это торжественное шествие через весь город, а некоторые даже принимали в нем участие. Одна из таких «богомолок» — маркиза Вестминстерская, посетившая Санкт-Петербург в 1827 г., проделала пешком весь путь вместе с крестным ходом до ограды Лавры, где затем целых полтора часа ждала приезда императора Николая I с наследником¹².

О крестном ходе из Казанского собора в Александро-Невскую Лавру рассказывала в своих «Воспоминаниях» А.Г. Достоевская (1846–1918), вдова великого русского писателя. «И донныне праздник св. Александра Невского считается почти главенствующим праздником столицы, и в этот день совершается крестный ход из Казанского собора в Лавру и обратно, сопровождаемый массой свободного в этот день от работ народа, — пишет Анна Григорьевна. — Но в прежние, далекие времена день 30 августа праздновался еще торжествен-

¹⁰ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 258–259.

¹¹ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1979. С. 263.

¹² Дневник маркизы Вестминстер // Исторический вестник. 1880. Июнь. С. 347.

нее: посредине Невского проспекта, на протяжении более трех верст, устраивался широкий деревянный помост, по которому, на возвышении, не смешиваясь с толпой, медленно двигался крестный ход, сверкая золочеными крестами и хоругвями. За длинной вереницей духовных особ, облаченных в золоченые и парчовые ризы, шли высокопоставленные лица, военные в лентах и орденах, а за ними ехало несколько парадных золоченых карет, в которых находились члены царствующего дома. Все шествие представляло такую редкую по красоте картину, что на крестный ход в этот день собирался весь город»¹³.

Еще одно краткое сообщение о Казанском соборе. 8 августа 1828 г. храм посетил немецкий дипломат Леопольд фон Герлах. На следующий день в его дневнике появилась запись: «Вчера поутру в Казанской церкви я первый раз в моей жизни присутствовал при русской проповеди. Священник стоял за аналоем и говорил с весьма спокойными жестами»¹⁴.

Казанский собор не имел особой колокольни, — она помещалась в правом портике, со стороны Казанской улицы¹⁵. Другой особенностью архитектурного плана Казанского собора является то, что его передний фасад не расположен, как обычно, напротив алтаря. Он обращен к Невскому проспекту, то есть на север, поскольку не должен нарушать линию уличной застройки. Устройство алтаря против переднего фасада, на юг, явилось бы нарушением церковных канонов, согласно которым алтарь должен быть всегда обращен на восток. Проектируя собор, А.Н. Воронихин столкнулся с этой трудностью и придумал оригинальное решение: обратил фасад собора с его полукруглой колоннадой на Невский, а алтарь поместил слева сбоку, ориентированным строго на восток. Таким образом, и каноны были соблюдены, и новое здание отлично вписалось в ансамбль Невского проспекта.

Это обстоятельство отметил в своих записях маркиз Астольф де Кюстин в 1839 г. «Казанский собор обширен и красив, но входят в него с угла, — пишет французский путешественник. — Дело в том, что алтарь должен быть обязательно обращен к востоку. Так как направление Невской «перспективы» не совпадает с этим церковным канонам, то собор выстроили боком к проспекту»¹⁶.

В отечественной печати также появлялись заметки об архитектурных особенностях Казанского собора. «Это здание может стать наряду с лучшими церк-

¹³ *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М., 1987. С. 43–44.

¹⁴ Заметки фон Герлаха о пребывании в Петербурге // *Русская старина*. 1892. Т. 74. С. 77.

¹⁵ *Домбровский Ф.В.* Полный путеводитель по Петербургу и его окрестностям. СПб., 1896. С. 157.

¹⁶ *Де Кюстин А.* Николаевская Россия. М., 1990. С. 151.

вами Европы, детали его превосходны; в целом имеет много погрешностей, но главные извиняются местностью, не дозволившею поместить колоннаду от главного входа»¹⁷, — писала «Художественная газета» в 1837 г.

В том же 1839 г., что и А. де Кюстин, в России побывал полковник Фридрих Гагерн. Нидерландский король Вильгельм I назначил его состоять при принце Александре — старшем сыне Вильгельма и великой княгини Анны Павловны — для сопровождения его во время поездки по России ко Двору императора Николая I. В Санкт-Петербурге они посетили несколько храмов, в том числе и Казанский собор. «Казанский собор несколько своеобразной архитектуры: полукруглая колоннада образует вход в церковь, — пишет Ф. Гагерн. — В соборе находится массивный серебряный иконостас, — дар казаков из отбитой у французов добычи, которые сами награбили это серебро из церквей»¹⁸. Такой вот «литературный камешек» в огород француза де Кюстина...

В эти годы продолжалось украшение Казанского собора. В отчете Императорской Академии художеств за 1836–1837 академический год читаем: «Сазонов написал шесть образов в серебряный иконостас собора Казанской Божией Матери»¹⁹. П.В. Басин сочинил эскиз для большой картины: Введение во храм Пресвятой Девы для церкви Казанския Божия Матери»²⁰.

Значительное место в своих записках уделила Казанскому собору леди Джорджиана Блумфильд. Приступая к описанию храма, она сначала сообщает об его архитектурном плане. В своем дневнике под 5 февраля 1846 г. леди Дж. Блумфильд пишет: «Мы посетили Казанский собор, заложенный императором Александром в 1801 году. Он построен в виде креста; внутренность его великолепна и разделена двойным рядом коринфских гранитных колонн с бронзовыми золочеными капителями и базами»²¹.

В те годы Казанский собор в сознании современников уже прочно был связан со славой русского оружия. Леди Дж. Блумфильд по этому поводу отмечает: «Ключи от различных крепостей, взятых русскими, сохраняются здесь;

¹⁷ Андрей Никифорович Воронихин // Художественная газета. 1837. № 6, март.

¹⁸ Гагерн Ф. Дневник путешествия по России в 1839 году // Русская старина. 1886. Июль. С. 32.

¹⁹ Отчет Имп. Академии художеств за 1836–1837 академический год // Художественная газета. 1837. №№ 17–18, сентябрь. С. 281. Сазонов Василий Кондратьевич (1789–1870) — академик исторической живописи.

²⁰ Там же. С. 280. Басин Петр Васильевич (1793–1877) — профессор религиозной и исторической живописи, ученик В.К. Шебуева.

²¹ Из воспоминаний леди Блумфильд // Русский архив. 1899. № 6. С. 228.

а также тут находится большая коллекция штандартов и знамен, между которыми я заметила украшенные французскими императорскими орлами»²².

Будучи инославной, леди Дж. Блумфильд, естественно, не разбиралась в тонкостях православного богослужения, отчего бесхитростные ее заметки порой отдают наивностью. Но тем не менее это ценное свидетельство современницы той эпохи, память о которой сегодня приходится восстанавливать по крупицам. Вот что увидела в Казанском соборе жена английского посланника:

«Вечерня началась, пока мы были в соборе, причем присутствовало около 50 или 60 человек различных классов, которые приблизились к алтарю и попеременно становились на колени, крестились и до-трагивались лбами до земли, тогда как причетники читали службу монотонным голосом. Они были одеты в простые черные рясы; но затем вышел другой священник, облаченный в великолепную ризу золотой материи и с серебряным кадилом в руках; он обошел собор, кадя перед образами различных святых. Затем зажгли множество свечей, большие двери за алтарем раскрылись, и показался большой образ Успения Богородицы. Во все время священники не переставали петь; но затем священник в блестящей ризе произнес что-то, на что остальные, казалось, отвечали. Через несколько минут двери опять заперли, после чего служба продолжалась, как и прежде. Музыка не было, но у священников были славные голоса»²³.

Вот еще несколько любопытных замечаний англичанки о Казанском соборе. «Государь всегда ездит в Казанский собор перед отъездом из Петербурга и по возвращении из путешествия, — пишет леди Дж. Блумфильд. — Он ездит туда без всякого почета и церемоний и, став на колена перед алтарем, молится. По-видимому, нет особенных правил и обрядов при слушании богослужения, ибо все присутствующие стоят или опускаются на колени по желанию; но никому не разрешается сидеть в православной церкви. Там было множество небольших алтарей перед различными образами, а высоко над большими дверями было большое изображение Тайной Вечери»²⁴.

²²Там же.

²³Там же. С. 228–229.

²⁴Там же. С. 229.

Вторая половина XIX в.

В 1849 г. ключарем Казанского собора стал протоиерей Федор Федорович Сидонский (1805–1873), состоявший в штате собора с 1829 г. Свою пастырскую деятельность он сочетал с научно-богословской; его перу принадлежит «Введение в науку философию» (СПб., 1833). В 1834 г. редакция Энциклопедического словаря А.А. Плюшара поручила о. Федору заведование богословским и философским отделами.

В должности соборного ключаря протоиерею Федору Сидонскому доводилось отпевать известных литераторов и общественных деятелей. К их числу принадлежал Николай Иванович Надеждин (1804–1856), поклонник Ф. Шеллинга, учредитель журнала «Телескоп» (1831 г.) (Журнал был запрещен в 1836 г. за публикацию «Философических писем» П.Я. Чаадаева). Надгробное слово перед отпеванием Н.И. Надеждина о. Федор произнес 14 января 1856 г. в кладбищенской церкви Смоленской иконы Божией Матери²⁵. В том же 1856 г. в журнале «Русская беседа» была напечатана надгробная проповедь, сказанная прот. Федором Сидонским при отпевании И.В. Киреевского (1806–1856). «Труд, временно прерванный поездкой Ивана Васильевича Киреевского в Петербург, прерван навсегда его неожиданной кончиной, — сообщалось в редакционной статье. — Быстро и неудержимо развившаяся холера положила предел прекрасной и полезной жизни, только еще вступившей в полную деятельность»²⁶.

Авторитет прот. Федора в научных кругах постоянно возрастал, и в 1854 г. он был избран членом-корреспондентом Императорского Археологического Общества, а в 1856 г. — действительным членом Академии наук. К этому времени научные заслуги прот. Федора Сидонского были признаны, наконец, и в Санкт-Петербургской духовной академии, где он преподавал в 1829–1835 гг. Научная деятельность поглощала большую часть времени о. Федора; в 1859 г. он оставил должность ключаря и стал лишь нештатным протоиереем Казанского собора. 27 января 1864 г. Санкт-Петербургский Совет университета избрал прот. Федора Сидонского почетным доктором философии, а в следующем, 1865 г., он был приглашен в университет для преподавания философии. Прот. Федор был избран почти единогласно на кафедру богословия, которую занимал до самой смерти, последовавшей 6 декабря 1873 г.

²⁵ Сидонский Ф., прот. Речь перед отпеванием тела действительного статского советника Николая Ивановича Надеждина. СПб., 1856.

²⁶ Речь прот. Ф. Сидонского при отпевании И.В. Киреевского // Русская беседа. 1856. Т. 2. Приложение 2. С. 3.

1855 г. — год окончания Николаевского царствования и вступления на престол императора Александра II. В 1856 г. Санкт-Петербургскую митрополию кафедру занял владыка Григорий (Постников) (1856–1860). 2 октября 1856 г., в день въезда в Санкт-Петербург, после коронации, Александра II и Марии Александровны, митрополит Григорий, вместе с членами Св. Синода и петербургским духовенством, встречал императорскую чету в Казанском соборе.

А в декабре того же 1856 г. в российскую столицу прибыла испанская дипломатическая миссия. Ее ближайшей целью было поздравление, от имени испанской королевы Изабеллы II, с восшествием на престол нового императора Александра II. Секретарем этого Чрезвычайного посольства был молодой испанский дипломат Хуан Валера-и-Алкала Гальяно (1824–1905) (впоследствии крупнейший писатель Испании). В одном из своих писем (Санкт-Петербург, 28 декабря 1856 г.) Хуан Валера упоминал о посещении Казанского собора: «Мы посмотрели Казанскую церковь. В ней собраны знамена, отвоеванные у врагов, и ключи от крепостей и городов, отошедших к России. Эта церковь построена в стиле собора Святого Петра в Риме, хотя и не такая огромная. Византийская живопись, которой покрыты стены, украшена золотом, серебром, изумрудами, алмазами и рубинами. Темная голова Спасителя среди изобилия драгоценных камней притягивает взгляд. Серебро, массивное золото и бесчисленное количество драгоценных камней, бросающихся в глаза, покрывают или, скорее, образуют иконостас; все это явилось подарком донских казаков»²⁷.

А вот каким увидел Казанский собор Теофиль Готье зимой 1858–1859 гг.:

«Казанский собор, перед которым я проехал, явно преобразился: его итальянский купол оделся в русскую снежную шапку, а карнизы и капители окрасились чистой белизной; на террасу полукруглой колоннады легли массивные серебряные перила, подобные тем, что украшают иконостас собора; на ступени, ведущие ко входу, лег тонкий, мягкий, великолепный горностаевый ковер, по которому ступать пристало лишь золотой туфельке царицы <...>»²⁸.

4 апреля 1866 г. революционер-террорист Д.В. Каракозов (1840–1866) выстрелил из револьвера в императора Александра II около Летнего сада, но промахнулся. (Впоследствии, по приговору Верховного уголовного суда, Каракозов был повешен). В тот же день Александр II прибыл в Казанский собор из Летнего сада для принесения благодарности Покровительнице царствовавшего До-

²⁷Валера-и-Алкала Гальяно Х. Письма из России. СПб., 2001. С. 54–55.

²⁸Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1988. С. 59.

ма. 25 мая 1867 г. император снова подвергся покушению, на этот раз — в Париже (стрелял террорист А.И. Березовский). По возвращении в Санкт-Петербург вся столица торжественно встречала его в Казанском соборе и благодарила Матерь Божию²⁹.

12 апреля 1877 г. был издан «Высочайший Манифест о вступлении российских войск в пределы Турции», положивший начало освобождению Болгарии от турецкого ига. Вот что пишет об этом жена Ф.М. Достоевского — Анна Григорьевна.

«Проезжая по Невскому, мы заметили, что люди толпятся около продавцов газет. Мы остановили извозчика, я пробилась сквозь толпу и купила только что вышедшее объявление, — вспоминала потом вдова писателя. — Прочитав манифест, Федор Михайлович велел извозчику везти нас к Казанскому собору. В соборе было немало народу и служили непрерывные молебны перед иконой Казанской Божией Матери. Федор Михайлович тотчас скрылся в толпе. Зная, что в иные торжественные минуты он любит молиться в тиши, без свидетелей, я не пошла за ним и только полчаса спустя отыскала его в уголке собора, до того погруженного в молитвенное и умиленное настроение, что в первое мгновение он меня не признал. Федор Михайлович был сильно потрясен происшедшим событием и его великими последствиями для столь любимой им родины»³⁰.

Казанский собор был свидетелем не только торжественных церемоний; у его стен разворачивались порой и революционные выступления. В одном из них принял активное участие Г.В. Плеханов (1856–1918) — один из основателей российской социал-демократической партии. Будучи студентом Горного института, Г.В. Плеханов в 1876 г. стал одним из инициаторов демонстрации на Казанской площади, где произнес революционную речь. В январе 1880 г., выслеженный полицией, он эмигрировал за границу.

А за «безумство храбрых» пришлось расплачиваться «рожденным ползать», о чем сообщал из Санкт-Петербурга в Мадрид тогдашний испанский посланник маркиз де ля Рибера.

«В России с 1872 г. существует коммунистическое революционное общество, которое в некоторых губерниях империи мало-помалу

²⁹ Лавры, монастыри и храмы на св. Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб., 1908. С. 42.

³⁰ Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1987. С. 339–340.

развивается, — писал испанский дипломат. — Этим революционером здесь называют «нигилистами», потому что они претендуют на то, чтобы свести все классы к одному, отменив власть Бога, царя и семьи <...> Эти молодые люди впервые заявили о себе полтора года тому назад, в Санкт-Петербурге, вызвав после веселой пирушки небольшие беспорядки перед Казанским собором, расположенным на главной улице города. Подрывные призывы, которые они провозглашали, и слова, обращенные против императора и императорской семьи, потребовали вмешательства нескольких агентов полиции, которые были избиты бунтовщиками; но люди из простонародья и извозчики, кучера, которые случайно проезжали там, и также несколько женщин, услышавших дурные слова об императоре, добровольно пришли на помощь полиции, крепко всыпали студентам и сумели схватить часть из них, которая сегодня расплачивается за свои безумства в Сибири»³¹.

Революционное движение в России усиливалось, что вылилось в ряд покушений на жизнь Александра II и многих правительственных лиц. 2 апреля 1879 г. Александр II, тотчас после нескольких выстрелов в него, молился в Казанском соборе перед Казанской иконой Божией Матери. Здесь же он вознес свои благодарственные молитвы 22 ноября 1879 г., по приезде из Москвы, где террористы намеревались взорвать поезд, в котором следовал император³².

1 марта 1881 г. император Александр II погиб от брошенной в него бомбы. На императорском престоле Александра II сменил его сын — Александр III, чья жизнь также неоднократно подвергалась опасности. Необычную картину представлял Казанский собор в день приезда Александра III и его семьи, чудом избежавшей гибели 17 октября 1888 г. во время крушения поезда. Вокруг храма и внутри собора были собраны воспитанники учебных заведений столицы, в присутствии которых император вознес благодарственную молитву перед Казанской иконой Божией Матери. На деньги, собранные прихожанами, в Казанском соборе была устроена Голгофа, изображающая Распятого Господа с предстоящими: Богородицею и св. Иоанном Богословом, подобно тому, как это устроено в Иерусалиме на св. Голгофе³³.

³¹Донесение маркиза де ля Рибера министру иностранных дел. Санкт-Петербург, 22 ноября (4 декабря) 1877 г. // Россия и Испания. Документы и материалы. Т. 2. 1800–1917. М., 1997. С. 232–233.

³²Лавры, монастыри и храмы... С. 42.

³³Там же. С. 42.

Вот как выглядело это сооружение в 1916 г.:

«У Богомольцев, входящих обычным путем со стороны Невского, взгляд прежде всего падает на Голгофу, помещенную напротив в правом приделе, в южных дверях собора: художественной живописи Распятие выделяется на фоне темно-голубой ниши с блестящими звезд наверху и панорамой Иерусалима внизу. С задней стороны Креста скрытно помещены электрические лампочки, при вечернем освещении выделяющие его перспективно. 24 лампы, все в один уровень, широким полукружьем опоясывают вверху Крест. Терновый венец под стеклом, гвоздь, камень живее рисуют Страсти Христовы. По обе стороны ниши — иконы Богоматери и Иоанна Богослова, за ними поодаль — явление Богоматери преподобному Сергию и святые (небесные покровители. — *а. А.*) времени 1888 года: Голгофа сооружена в память спасения Государя Александра III с августейшим семейством от крушения в Борках 17 октября этого года»³⁴.

В 1884 г. настоятелем Казанского собора стал протоиерей Александр Алексеевич Лебедев (1833–1898). Воспитанник Московской духовной академии, в 1874 г. он был назначен на приход в Прагу, а с 1877 г. летом служил в церкви в Карлсбаде (ныне — Карловы Вары, Чехия). После перемещения в Санкт-Петербург о. Александр состоял также членом учебного Комитета при Св. Синоде. Его перу принадлежит целый ряд статей и монографий³⁵.

Одним из клириков Казанского собора был также протоиерей Михаил Ильич Соколов (1845–1895), писатель и церковно-общественный деятель. При его активном участии в 1881 г. было организовано «Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви». В Казанском соборе прот. Михаил и его друзья, члены «Общества», вели духовные беседы. Он же устроил при Казанском приходе бесплатную столовую для бедных; здесь они могли получить также одежду и кров над головой. Отец Михаил был также автором нескольких учебников для гимназий и начальных училищ³⁶.

В 1893 г. в Казанском соборе отпевали скоропостижно скончавшегося композитора П.И. Чайковского.

³⁴ *Лебедева Е.А.* Петроград и его святыни. СПб., 1993. С. 27.

³⁵ Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 16.

³⁶ Там же. С. 602.

В 1894 г. скончался император Александр III, и на российский престол взошел его сын — Николай II. После коронации в Москве императорская чета вернулась в столицу, и 23 июня 1896 г. Николай II с супругой прибыли в Казанский собор. Здесь их приветствовал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Палладий (Раев) (1892–1898). После молитвы перед чудотворной иконой они были осены иконой Спасителя и копией Казанской иконы Божией Матери, а затем приняли обе иконы в дар от владыки Палладия³⁷.

Век XX-й

30 июня 1900 г. у Казанского собора был торжественно открыт сквер с фонтаном, разбитым по проекту садового мастера Рудольфа Катцера. В основу композиции сквера, сохранившейся донныне, было положено силуэтное изображение колокола.

Начало XX столетия — эпоха «серебряного века» в русской поэзии. Церковная тема была ее неотъемлемой частью, что отразилось и в творчестве Александра Александровича Блока. Он часто встречался со своей невестой Л.Д. Менделеевой у Казанского собора. Поджидая свою избранницу у стен храма, поэт изучал его убранство. В дневнике А.А. Блока (1901–1902 гг.) имеется такая запись: «На двух фронтонах Казанского собора над группами эллинского типа написано: “Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу, присноблаженную и пренепорочную и Матерь Бога нашего”. А на среднем: “Благословен Грядый во имя Господне”»³⁸.

А вот что пишет поэт о прогулке с невестой: «Один раз мы ходили очень долго. Сначала пошли в Казанский собор (там бывали и еще), а потом — по Казанской и Новому переулку — в Исаакиевский»³⁹.

Об очередной встрече Любовь Дмитриевна оповещалась запиской. Одна из них датирована 17 января 1902 г.: «Если в один из трех дней Вы не будете у собора от 8–10 вечера, Вам угрожает тоска на всю жизнь без оправданий. Последние отклики еще не замерли, последняя мысль о любви еще жива в нетленности памяти — будьте у собора и не смущайтесь, встречаясь с сумраком непрестанной гармонии»⁴⁰.

Из воспоминаний Л.Д. Менделеевой-Блок:

³⁷ Лавры, монастыри и храмы... С. 42–43.

³⁸ Блок А.А. Дневник 1901–1902 гг. // Собрание сочинений. Т. 7. М. – Л., 1963. С. 46.

³⁹ Там же. С. 56.

⁴⁰ Блок А.А. Письма к жене. 17 янв. 1902 г. СПб. М., 1978. С. 37.

«Раз идя по Садовой улице мимо часовни у Спаса на Сенной, я заглянула в открытые двери. Образа, трепет бесчисленных огоньков восковых свечей, припавшие, молящиеся фигуры. Сердце защемило от того, что я вне этого мира, вне этой древней правды. <...> Я пошла дальше и почти машинально вошла в Казанский собор. Я не подошла к богатой и нарядной в брильянтах, чудотворной иконе, залитой светом, а дальше, за колоннами, остановилась у другой Казанской, в полутьме с двумя-тремя свечами, перед которой всегда было тихо и пусто. Я опустила на колени, еще плохо умея молиться. Но потом это стала моя и наша Казанская, к ней же приходила за помощью и после смерти Саши. Однако и тогда, в первый раз, пришли облегчающие, успокоительные слезы. Потом, когда я рассказала, Саша написал:

Медленно в двери церковные
Шла я душой несвободная...
Слышались песни любовные,
Толпы молились народные.

Или в минуту безверия
Он мне послал облегчение?
Часто в церковные двери я
Ныне вхожу без сомнения.

И бесконечно глубокие
Мысли растут и желания,
Вижу я небо далекое,
Слышу я Божье дыхание.

Падают розы вечерние,
Падают тихо, медлительно.
Я же молюсь суевернее,
Плачу и каюсь мучительно.

Я стала приходить в собор к моей Казанской и ставить ей восковую свечку. <...> В сумерки октябряского дня (17 октября) я шла по Невскому к собору и встретила Блока. Мы пошли рядом. Я рассказала, куда иду и как все это вышло. Позволила идти с собой. Мы сидели в стемневшем уже соборе на каменной скамье под окном, близ моей

Казанской. «...» Так начались соборы, сначала Казанский, потом и Исаакиевский «...»⁴¹

В начале XX столетия столичная общественность поднимала вопрос об очистке от «поздних наслоений» территории, прилегающей к Казанскому собору. В 1909 г. в журнале «Старые годы» появилась краткая заметка на эту тему. «Казанский собор красится в слишком густой цвет, чудесный скверик его закрыт тремя довольно безобразными лавочками, а совершенно несравненная решетка, отделяющая его от институтского сада, забита листовым железом, — писал искусствовед В.Я. Курбатов. — Неужели Академия (художеств) не могла бы добиться уничтожения лавочек, открытия решетки и каменных пьедесталов?»⁴²

А между тем приближались две памятные даты: столетие со времени освящения Казанского собора (1811 г.) и столетие со дня кончины архитектора А.Н. Воронихина (1814 г.). Это дало повод к тому, чтобы еще раз напомнить о прежней проблеме. В октябре 1910 г. искусствовед Иван Александрович Фомин писал: «Через три года юбилей Воронихина, строителя Казанского собора. И по отношению к нему есть такой же случай почтить достойным образом память строителя, открыв одну из его построек, в настоящее время ниоткуда не видную. Это решетка Казанского собора. В одном из архивов мне удалось найти интересный воронихинский проект построения второй колоннады Казанского собора. Из этого проекта ясно, какое большое значение придавал Воронихин полукруглой площади с западной стороны собора. Вот бы где поставить памятник строителю его! Так поступили бы, конечно, в любой другой столице, где ценят и берегут то, что составляет украшение города. Так должны поступить и мы, и это было бы лучшим способом отпраздновать юбилей знаменитого зодчего»⁴³.

В 1911 г. Санкт-Петербург готовился отпраздновать столетие со дня завершения строительства и освящения Казанского собора. К юбилею начали готовиться загодя, и было решено приступить к реставрации храмового интерьера. О том, с какими сложностями пришлось при этом столкнуться, рассказывалось на страницах журнала «Старые годы».

«Казанский собор сейчас весь в лесах внутри. Тоже тревожная реставрация, с которой торопятся к столетнему юбилею. Обнаружено варварское обращение с предметами, находящимися в соборе, и его украшениями. Будто бы

⁴¹ Там же. С. 37–38.

⁴² Курбатов В.Я. Запоздалые заботы // Старые годы. 1909. № 9. С. 483.

⁴³ Фомин И.А. О праздновании юбилеев знаменитых зодчих // Старые годы. 1910. Сентябрь. С. 209.

попорчены гвоздями и лампадами картины Боровиковского, Егорова, Шебуева. Но удачна ли будет реставрация, порученная Обществу взаимопомощи русских художников? Имена гг. Бруни и Судковского, которым поручена живописная сторона реставрации, и даже написание двух новых запрестольных образов по эскизам проф. Кошелева, не ручаются за художественность. Дикая мысль — изуродовать создание Воронихина постройкой колокольни против западного входа, к счастью, встретила противодействие Академии художеств, но едва ли нужна и постановка изваяний архангелов (заказанных все тому же Обществу), не осуществленная самим Воронихиным»⁴⁴.

И вот наконец наступил «юбилейный год». К празднику вышла в свет монография епархиального архитектора Андрея Петровича Аплаксина. Книга, озаглавленная «Казанский собор в Санкт-Петербурге. 1811–1911. Историческое исследование о соборе и его описание», была издана на средства Казанского собора в 1911 г.

К этому времени в Казанском соборе были закончены реставрационные работы. «К юбилею Казанский собор почистили, густо посеребрили купол, подправили однотонную расцветку стен и колонн цвета «кофе с молоком», хотя, казалось, должна бы быть строго восстановлена первоначальная расцветка, — отмечалось на страницах печати. — Внутри тоже многое тщательно отчищено и отремонтировано, посветлели своды и главный купол, где отчетливо видна однотонная под барельеф живопись в барабане. Блестит серебро иконостаса. Светлее стала живопись в парусах (судя по «Тайной вечере» в алтарной абсиде, к живописи, вообще, по-видимому, отнеслись осторожно). Несколько по-багетному кричит местами новая или отчищенная позолота карнизов рядом с почерневшим золотом капителей колонн»⁴⁵.

Но около собора все осталось по-прежнему, поскольку любые изменения на прилегающей территории могли затронуть интересы влиятельных лиц (Приложение 2). И в той же заметке, где выражалась радость по поводу обновления соборного интерьера, читаем далее: «Напрасны были постановления, ходатайства, почти вопли, в Обществе архитекторов-художников и в недавнем съезде архитекторов о необходимости открыть, наконец, дивную воронихинскую решетку, направо от собора. По-прежнему она забита железными листами, заслонена фотографическим павильоном, оранжереей, даже деревянной фруктовой лавочкой. А между тем, именно к юбилею собора следовало бы привести в порядок уголок перед решеткой, превратив его в цветник-партер, и тем открыв ма-

⁴⁴ Р-в А. Вести за месяц // Старые годы. 1910. Ноябрь. С. 42–43.

⁴⁵ К юбилею Казанского собора // Старые годы. 1911. № 10. С. 57.

стерское произведение, так интересно говорящее о широких неосуществившихся планах прекрасного зодчего. Трудно было бы лучше почтить его память»⁴⁶.

Казанский собор был освящен накануне Отечественной войны 1812 г., а столетие со дня кончины его создателя — А.Н. Воронихина совпало с началом Первой мировой войны. Но, несмотря на военные тяготы, в российской столице не прекращались культурные начинания, в том числе, и в церковной сфере. Так, в течение марта-апреля 1915 г. в музее барона А.Л. Штигилица была проведена выставка старины с показом церковной утвари из ризниц соборов Зимнего дворца, Александро-Невской Лавры, Петропавловского, Казанского и других храмов (Приложение 3).

Одним из современников этих событий был поэт Бенедикт Константинович Лившиц (1887–1939). Его перу принадлежит большой цикл стихотворений, посвященных Петербургу; среди них «Казанский собор» (1914 г.).

И полукруг, и крест латинский,
И своенравца римский сон
Ты перерос по-исполински —
Удвоенный дугой колонн.
И вздыбленной клавиатуре
Удары звезд и лет копыт
Равны, когда вздыхатель бури
Жемчужным воздухом не сыт.
В потоке легком небоската
Ты луч отвергнешь ли один,
Коль зодчий тратил, точно золото,
Гиперборейский травертин?
Не тленным камнем — светопада
Опоясался ты кольцом,
И куполу дана отрада
Стоять колумбовым яйцом⁴⁷.

То, что для читателей того времени было понятно без комментариев, ныне требует пояснения. Внутри Казанский собор имеет форму латинского креста (нижний конец длиннее остальных) с закруглениями на его коротких концах. Именно своенравец Павел I пожелал, чтобы Казанскому собору было придано

⁴⁶Там же. С. 58.

⁴⁷Лившиц Б.К. Казанский собор // Петербург в русской поэзии. XVIII – начало XX века. Л., 1988. С. 308.

сходство с собором св. апостола Петра в Риме. Стены и наружные колонны Казанского собора сложены из пудожского камня — известняка особого рода, по цвету и свойствам напоминающего римский травертин — камень, использовавшийся в Италии для строительства архитектурных сооружений. В отличие от южных «латинян» строителями Казанского собора были гипербореи — по преданиям древних греков, народ, живший далеко на севере. И наконец, в последней строке своего стихотворения поэт обыгрывает крылатое выражение «колумбово яйцо»: смелое, находчивое решение сложного вопроса. При строительстве собора А.Н. Воронихин применил необычное решение: поставил его на сравнительно тонкие устои, чем был достигнут поразительный эффект легкости⁴⁸.

В 1913 г. распоряжением митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира (Богоявленского; 1912–1915; будущего священномученика Киевского), настоятелем Казанского собора был назначен протоиерей Философ Николаевич Орнатский. Он родился в Новгородской губернии, в семье сельского священника. Все его братья избрали путь служения Церкви. После окончания Санкт-Петербургской духовной академии он служил на приходах Петербурга. В октябре 1913 г. столичные газеты писали:

«Предложением Высокопреосвященного митрополита Петербургского Владимира, с высочайшего его императорского величества соизволения, на освободившуюся должность настоятеля Казанского собора назначен один из самых популярных в столице пастырей, известный церковный деятель и оратор, настоятель церкви святого Андрея Критского при Экспедиции заготовления государственных бумаг, митрофорный протоиерей Философ Николаевич Орнатский».

Огромный проповеднический талант о. Философа привлекал толпы искавших живого слова. Святой Иоанн Кронштадтский любил о. Философа и часто бывал в его доме. Когда о. Философ был настоятелем Казанского собора, его семья жила в доме, принадлежавшем собору, на углу Невского проспекта и Казанской улицы, на втором этаже. Когда началась Первая мировая война, при Казанском соборе открылся лазарет для раненых. Он содержался на церковные средства. Под нужды лазарета была отдана квартира настоятеля, а он с семьей переехал в небольшую квартиру в доме № 3 по Казанской улице.

Деятельное участие отец Философ принимал в подготовке Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. и был одним из ближайших сподвижников

⁴⁸Там же. С. 365. Примеч. 211.

будущего священномученика митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского; 1873–1922). Владыка Вениамин был рукоположен во епископа Гдовского в 1910 г. После увольнения на покой известного своей близостью к Григорию Распутину митрополита Питирима (Окнова), 6 марта 1917 г. епископ Вениамин вступил во временное управление Петербургской епархией.

С весны 1917 г. вакантные епископские кафедры замещались в порядке свободного избрания тайным голосованием представителей клира и мирян на епархиальных съездах. 24 мая 1917 г., после торжественной литургии в Казанском соборе, владыка Вениамин был избран правящим архиереем Петербургской епархии. В первом обращении к своей пастве уже в качестве правящего архиерея владыка Вениамин сказал: «Я даю себе отчет, что высокий пост в наши тяжелые дни таит в себе гораздо больше тягостей, нежели радостей и почестей. Но я принимаю это избрание, так как вижу в нем особое указание. Пятнадцать лет назад на Афоне я спросил у старцев: «Следует ли принимать на себя обязанности, которые не по силам?» «Нельзя отказываться ни от чего, в чем можно видеть особое испытание», — ответили они. Я принимаю на себя этот подвиг служения, надеясь, что народная любовь и вера восполнят мои силы. Еще со школьной скамьи я обращался к народу, чтобы почерпнуть бодрость и веру. И в зрелые годы, посещая села и деревни, видел, как горит всем лучшим простая русская душа и убедился, что именно в народе таится подлинное училище веры и благочестия. С этими мыслями я приступаю к совместной работе с вами».

«Лихие годы»

После 1917 г. Русская Православная Церковь вступила в полосу испытаний, и Казанский собор разделял все тяготы лишений (Приложение 4). Настоятель собора — протоиерей Философ Орнатский решительно обличал злодеяния большевиков и вместе с митрополитом Вениамином был организатором многотысячных крестных ходов в защиту Святой Православной Церкви. Не щадя своей жизни, он смело проповедовал в самых горячих точках Петрограда, призывая верующих защищать православные святыни от поругания.

Узы глубочайшей Христовой любви и многолетней духовной дружбы связывали о. Философа со Святейшим Патриархом Тихоном⁴⁹. Во время приезда Патриарха в Петроград в июле 1918 г. протоиерей Философ Орнатский участвовал во многих поездках и встречах Патриарха. Первосвятитель привез в Казанский собор святые мощи Патриарха Ермогена, имя которого было непосредственно связано с чудотворной иконой Божией Матери Казанской. Отец Фило-

⁴⁹Православный Санкт-Петербург. 1999. № 11(89). С. 4.

соф в это беспокойное для Церкви время занимался устройством пещерного храма во имя святителя Ермогена в подземелье собора.

Патриарх Тихон служил в Казанском соборе на праздник Вознесения Господня, и прот. Философ приветствовал его по прибытии в храм. А во время проповеди за богослужением он сказал проникновенные слова: «Прекратилось 200-летнее вдовство Русской Православной Церкви. Патриарх — с нами. Он — лицо видимой Церкви, ее сердце, средоточие наших упований, объединяющий всех центр».

Бесстрашие батюшки вызвало лютую ненависть богоборческих властей. В августе 1918 г. вместе с двумя сыновьями, гвардейскими офицерами Николаем и Борисом, он был арестован чекистами. В сентябре они были расстреляны с тридцатью петроградскими мучениками — офицерами, преданными Царю и Отечеству. Перед началом казни, утешая сомучеников, отец Философ произнес: «Ничего, ко Господу идем. Вот, примите мое пастырское благословение и послушайте святые молитвы». Встав на колени, ровным и твердым голосом он начал читать отходную... Точная дата и место мученической кончины протоиерея Философа Николаевича Орнатского, его сыновей и иже с ними убиенных 30 мучеников неизвестны. Место казни — неподалеку от Финского залива между Лигово и Ораниенбаумом⁵⁰.

Как только стало известно о гибели о. Философа, митрополит Вениамин с соборным духовенством, братом о. Философа отцом Иоанном и двумя молодыми священниками, отцом Петром Балыковым и отцом Михаилом Яворским (мужьями дочерей батюшки, Марии и Веры), отслужили панихиду по убиенному протоиерею Философу. Вскоре все эти священники, как и митрополит Вениамин (Казанский), стали жертвами красного террора.

Весной 1918 г. из Казанского собора было похищено — по официальной версии, в результате грабежа — большое количество икон и церковной утвари. В дальнейшем грабежи церковного имущества участились, а в мае 1922 г. по декрету ВЦИК от 23 февраля из собора были изъяты для передачи в органы Наркомфина почти все находившиеся в нем предметы из золота, серебра и драгоценных камней⁵¹.

Не раз губкомовцам приходилось сталкиваться с твердой позицией музейных работников. Например, из-за иконостаса Казанского собора: он был изготовлен из трофейного серебра, добытого легендарными казаками атамана М.И. Платова в бою с наполеоновскими войсками, и стоял как раз напротив могилы

⁵⁰ Там же. С. 4.

⁵¹ Шульц С.С. Храмы Санкт-Петербурга. СПб., 1994. С. 48.

М.И. Кутузова. Заведующий Петроградским отделом музеев Г.С. Ятманов послал телеграмму в Москву: «Иконостас Казанского собора разобран. Протестовал безрезультатно. Петроградские специалисты и ученые протестуют. Марр, Ольденбург вышли в отставку <...>». Но вскоре уполномоченные доложили, что в Казанском «добыто» 129 пудов 37 фунтов и 20 золотников серебра⁵².

О Казанском соборе в одном из своих стихотворений упоминает И.В. Одоевцева (1895–1990):

Но была ли на самом деле
Эта встреча в Летнем саду
В понедельник на Вербной неделе
В девятьсот двадцать первом году?

...

Мы о будущем не говорили,
Мы зашли в Казанский собор,
И потом в эстетическом стиле
Мы болтали забавный вздор.

Ирина Владимировна Одоевцева (Ираида Густавовна, урожденная Гейнике) родилась в Риге, в семье адвоката. После 1917 г. жила в Петрограде. В 1921 г. дыхание смерти в Петрограде уже было весьма ощутимо, но поэтесса словно не чувствует этого:

А весна расцветала и пела,
И теряли значенья слова,
И так трогательно зеленела
Меж торцов на Невском трава⁵³.

(Прозренье пришло через год, и с 1922 г. поэтесса жила в Берлине, затем в Париже. В 1987 г. она вернулась в город на Неве, где и скончалась в 1990 г.).

С приходом на Русь новой, «коммунистической веры», власти предприняли попытку установить у Казанского собора еще одну скульптуру. Она представляла первого пропагандиста марксистского учения в России (т.е., так сказать, ее «крестителя» на новый лад), знаменитого Г.В. Плеханова. Формальным поводом послужило то, что именно у стен этого собора в 1876 г. состоялась первая в стране политическая демонстрация рабочих, где выступил молодой Г.В.

⁵² *Степанова И.* Достояние республики // Русская мысль. 1994. № 4053. 17–23 ноября. С. 16.

⁵³ *Одоевцева И.В.* Цикл стихов // Содружество. Из современной поэзии Русского Зарубежья. Вашингтон, 1966. С. 341.

Плеханов, бывший тогда студентом Горного института. Неуместность этой за-теи довольно быстро стала ясна даже самим властям. А памятник, отлитый за-ново из бронзы, был перенесен в 1925 г. к зданию Технологического института, где и поныне стоит в маленьком сквере напротив метро⁵⁴.

Весной 1923 г. Казанский собор, несмотря на протесты верующих, был передан обновленцам, и до начала 1932 г. являлся их кафедральным собором⁵⁵. Где же истоки той трагедии, которая привела к взрыву храма Христа Спасителя в Москве, к закрытию многих тысяч соборов и церквей в России, в том числе и Казанского собора? Во второй половине XIX в. в развитии русской ду-ховной культуры стали наблюдаться тревожные тенденции. Поколения, своими исканиями, покаянием укреплявшие русскую культуру на стезях Православия, с озабоченностью смотрели на возрастающее явление нигилизма в обществе. В начале XX столетия кризис русского общества усилился. Во время Первой ми-ровой войны русская культура была поколеблена до основания, как, впрочем, и европейская культура в целом. Через некоторое время этот процесс усугубился возникновением тоталитарных диктатур и шествием промышленной цивилиза-ции. В России вся эта совокупность обстоятельств сочеталась с установлением государственной атеистической идеологии, преследованием духовенства и мас-совым закрытием храмов и монастырей. «В условиях революционной катастро-фы, истребления культурного слоя в России, новый нигилизм грозит культур-ным срывом России, превращением ее в безбрежное и серое, допустим, право-славное и демократическое — Пошехонье», — писал известный русский публи-цист Г.П. Федотов в 1930 г.⁵⁶

Как раз в это время «отцы города» во главе с Г.Е. Зиновьевым решали вопрос о закрытии Казанского собора. 26 апреля 1931 г. с их подачи на заседа-нии секретариата ЦИК СССР было дано разрешение на «<...> организацию при Академии наук Союза ССР музея по истории религии». Вот как более полу-века спустя оценивал тогдашнюю ситуацию О. Мироненко, сотрудник Музея истории религии и атеизма: «Это был период времени, когда по стране прока-тилась очередная волна борьбы с «религиозным дурманом». При этом мнение людей верующих во внимание не принималось. Кампания базировалась на заран-нее организованных «многочисленных письмах трудящихся и постановлениях трудовых коллективов»⁵⁷.

⁵⁴ Спивак Д.Л. Северная столица. Метафизика Петербурга. СПб., 1998. С. 297.

⁵⁵ Шульц С.С. Храмы Санкт-Петербурга... С. 48.

⁵⁶ Федотов Г.П. Россия, Европа и мы. Сборник статей. Т. 2. Париж, 1973. С. 10.

⁵⁷ Мироненко О. Вопрос о закрытии // Ленинградская правда. 1989. № 249. 29 октября.

1931 г. Прошло всего 8 лет с того времени, когда, по инициативе Г.Е. Зиновьева, град Петров утратил свое прежнее название и стал носить партийную кличку вождя. В городе шло массовое закрытие храмов. Оскудение религиозной жизни имело своим следствием кризисные и упадочнические явления в духовной культуре, которые привели подлинное творчество к деградации и омертвлению, поскольку народ, в котором каждое поколение начисто отрицает дело отцов, не может создать органической культуры. «Вместо Бога был поставлен идол, обожествивший сам себя человек, и тогда уже необходимым последствием было все дальнейшее разворачивание культуры, имевшей целью оправдать всюду человеческое самообожествление»⁵⁸, — писал по этому поводу о. Павел Флоренский.

Приход Казанского собора был одним из самых богатых в Петербурге. Но к описываемому периоду многих его прихожан не было в живых, часть уехала за рубеж. А другие, рискуя навлечь на себя серьезные неприятности, всё же приходили на поклон к такой исторической святыне, как образ Божией Матери Казанской, связанной с именами Ивана Грозного, князя Д.М. Пожарского, Петра I, фельдмаршала М.И. Кутузова.

Из документов. «В президиум райсовета Смольнинского района. От инспектора культа тов. Михайловой. Докладная записка. Стол регистрации обществ Смольнинского района просит поставить вопрос о закрытии Казанского собора на основании имеющихся наказов (Гараж ЛСПО № 2, Рабкоопвод и т.д.). Указанная церковь <...> находится на учете Главнауки по высшей категории. Посещаемость верующими храма в обыкновенные дни 20–40 человек, в воскресные от 200–100 человек. <...> 6.X.1931 г.»⁵⁹

Созидание духовной культуры определяется законом, возвещенным Самим Господом:

«Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» (Лк 12, 34). Сокровище — это духовные ценности, т.е. то, что мы признаем объективным смыслом и оправданием нашей жизни. Этот принцип вошел в противоречие со сталинским вариантом социализма — лжеучения, ищущего Царства Божия в общей сытости, (а на деле — в обнищании), пролагавшего свой путь к государству будущего через трупы, поощрявшего низменные человеческие инстинкты и обесценивавшего духовную жизнь. В стране шел процесс дехристианизации русской культуры, что предвидел о. Павел Флоренский, сам ставший

⁵⁸Флоренский П., свящ. Христианство и культура // Символ. 1989. № 21. июль. С. 73.

⁵⁹Цит. по: Мироненко О. Вопрос о закрытии...

жертвой антигуманного режима. «Все области жизни: искусство, философия, наука, политика, экономика и т. д., — не могут быть признаваемы самодовлеющими сущностями и суть только образы, которые действительно складываются по миру сему, но лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку культура вообще не устраивается по образу Христову, — писал он. — Если в области культуры мы не со Христом, то мы неминуемо против Христа, ибо в жизни нет и не может быть нейтралитета в отношении Бога»⁶⁰.

26 декабря 1931 г. на заседании Президиума Ленсовета слушался вопрос о закрытии Казанского собора. «Исходя из заключения технической комиссии и учитывая, что собор имеет исключительную архитектурно-историческую ценность и для сохранения таковой требуется значительная сумма средств, которой (церковная) двадцатка не имеет, <...> Академия наук предполагает использовать здание под музей по истории религии»⁶¹.

На запрос Ленсовета последовало следующее постановление ВЦИКа: «9 января 1932 г. В Президиум Ленинградского Облсполкома. Ваше постановление о закрытии указанного собора и передаче здания Академии наук Союза ССР для использования под музей по истории религии, вступает в законную силу с тем, чтобы согласно просьбе религиозного общества, так называемая «икона Казанской Божьей Матери» была передана в другое молитвенное здание по договоренности с религиозным обществом. Член Президиума ВЦИК П. Смидович»⁶².

Итак, нескольким поколениям русских верующих было суждено пройти сквозь горнило новой, неизбежной, безрелигиозной идеологии и «культуры».

Из документов. «5 февраля 1932 г. Инспектор культа Смольнинского района Михайлова Е.Г., инспектор райжилотдела Смольнинского райсовета Кудрявцев И.Н. с одной стороны, и представитель Академии наук СССР зам. управделами т. Морозов Д.П. с другой стороны, составили настоящий акт в том, что первые сдали, а второй принял <...> здание бывш. Казанского собора»⁶³. (Казанская икона Божией Матери была передана в собор равноапостольного князя Владимира, что на Петроградской стороне, близ Тучкова моста).

Таким образом «отцы города» могли торжествовать: еще один очаг духовности русского Православия превратился в центр «агитпропа». (По иронии

⁶⁰Флоренский П., свящ. Христианство и культура... С. 72.

⁶¹Цит. по: Мироненко О. Вопрос о закрытии...

⁶²Там же.

⁶³Мироненко О. Вопрос о закрытии...

судьбы еще через три года — 15.1.1935 г. — Г.Е. Зиновьев был предан суду бывшими «подельниками» и заклеен как «непревзойденный еще в истории образец изменника, двурушника и контрреволюционного перерожденца»⁶⁴.

Бывший семинарист, организовавший этот процесс, по-видимому, помнил слова из Евангелия, но не предполагал, что они могут быть применимы к нему и к его провинившимся сатрапам: *«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности — кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония»* (Мф 23: 27–28). В «окрашенный гроб» был превращен и бывший Казанский собор. В феврале 1932 г. Казанский собор закрыли для богослужений, его интерьер был переоборудован под Музей истории религии и атеизма. Эта надпись памятна многим жителям города: она была помещена перед входом в собор, высоко на фронтоне, там, где изображено всевидящее око Божие. Крест с купола сняли и заменили шпилем.

В музей поступала церковная утварь из закрывавшихся православных храмов, а также костелов, кирх, мечетей, синагог. Первым директором и «душой» музея стал В.Г. Богораз-Тан, этнограф, профессор Ленинградского университета. Путеводитель по Ленинграду 1933 г. сообщал: «Экспонаты музея состоят из античной скульптуры, картин и гравюр русских и иностранных художников и из разнообразнейших культовых предметов народов всего мира».

...В 1913 г. Россия отмечала 100-летие со дня кончины М.И. Кутузова. В связи с этой памятной датой Московское военно-историческое общество вынесло решение: перенести из Бунслау в Первопрестольную сердце полководца для «захоронения оного в храме Христа Спасителя». Но в 1932 г., перед тем, как взорвать храм, наиболее ценные «экспонаты» были переданы в бывший Казанский собор в Ленинграде. 4 сентября 1933 г., по прямому указанию С.М. Кирова, комиссия из сотрудников Музея истории религии и атеизма, проверила состояние гробницы М.И. Кутузова. Составили акт, фотограф сделал пять снимков, в том числе и серебряной банки с набальзамированным сердцем полководца⁶⁵.

В номере от 10 июня 1977 г. «Ленинградская правда» опубликовала воспоминания бывшего чекиста Б.Н. Сократилина, чья подпись стояла на том акте рядом с подписями директора музея профессора В.Г. Богораз-Тана, ученого секретаря В.Л. Баканова и заведующего фондами К.Ф. Воронцова.

⁶⁴Малая советская энциклопедия. Т. 3. Ч. 1. М., 1936. С. 374.

⁶⁵Макин С. Ум и сердце Кутузова // Наука и религия. 2003. № 4.

«... Мы спустились в подвал, пробили отверстие и прошли внутрь склепа. На небольшом возвышении стоял гроб. Мы сдвинули крышку. Перед нами лежало тело Кутузова, облаченное в зеленый мундир с золотыми эполетами. У головы Кутузова я увидел сосуд из серебристого металла. С трудом отвинтили крышку. В сосуде, заполненном прозрачной жидкостью, лежало сердце. <...> Мы снова завинтили сосуд и положили его на прежнее место»⁶⁶.

Казанский собор перешел в ведение агитпропа от обновленцев. А 1938 г. ознаменовался снятием с себя сана обновленческим митрополитом Николаем Платоновым, который с этого времени стал штатным сотрудником Музея истории религии и атеизма...⁶⁷

О последних днях Николая Платонова повествует писатель Валерий Николаевич Лялин в своем рассказе «Владыка», посвященном блокадному периоду служения митрополита Алексия (Симанского)⁶⁸. В первую блокадную зиму 1941–42 гг. митрополиту Алексию довелось встретить бывшего обновленческого митрополита на паперти Николо-Богоявленского кафедрального собора.

Сторож пошел закрывать на ночь церковные двери. Вскоре он вернулся.

— Там какой-то человек лежит на ступеньках.

— Живой?

— Нет, кажись, померший.

Они вышли на крыльцо. Покойник на коленях склонился на ступеньки, положив голову на паперть. Окоченевшая рука сжимала облезлую меховую шапку. Сторож перевернул покойника и полез во внутренний карман пальто, достав оттуда потрепанный паспорт.

Посвети-ка мне спичкой.

Пока горела спичка, владыка прочел: «Платонов Николай Федорович».

— Рука владыки задрожала, болезненно сжалось сердце.

«Так вот где мы встретились, — подумал он.

— Посвети еще на лицо, Василий. Да, это он, — сказал владыка, посмотрев на худое мертвое лицо.

— Что, знакомый что ли вам?

— Знакомый, знакомый. Да и ты, Василий, должен его знать по Андреевскому собору. Ведь это бывший обновленческий митрополит Платонов.

Сторож нагнулся.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ *Краснов-Левитин А.Э.* Лихие годы. 1925–1941. Париж, 1977. С. 324. См. подробнее: *Краснов-Левитин А.Э.* Закат обновленчества // Грани. 1974.

⁶⁸ Будущий патриарх Алексей I (1944–1970).

— Ай, батюшки, да и вправду он! И валенки худые. Видно, пришел с покаянием, да и помер на паперти.

Действительно, это был митрополит. В начале двадцатых годов он блистал своими проповедями, привлекая множество народа. Это был противник владыки, проклинавший его с амвона. Но пришло время, и коммунисты добрались и до обновленческого духовенства, стали сажать их в тюрьмы и расстреливать. Тогда митрополит Платонов, ничтоже сумняшеся, снял с себя сан, отрекся от Бога и объявил себя атеистом. Устроился лектором в общество безбожников. Но пришла всенародная беда: война, голод, блокада. Быть может, от этих бедствий пробудилась у него совесть, и он пришел в церковь, чтобы принести покаяние. Но, видно, не выдержало старое сердце, и бывший митрополит умер на паперти храма в нескольких шагах от входа. Владыка сотворил над умершим краткую литию и повелел сторожу положить покойника в сарае, где скапливались умершие около церкви⁶⁹.

С 1930-х гг. музей в бывшем Казанском соборе стал важным звеном в системе массивной атеистической пропаганды, приведшей страну к краю духовной пропасти. Экспозиция музея, отличавшаяся «классовым подходом», вызвала улыбки иностранцев. Они охотно посещали бывший храм, чтобы посмотреть на «развесистую клюкву», насаждавшуюся там «религиоведами». Чего стоило, например, посещение подземелья — «застенка инквизиции» с фигурами монахов, истязавших еретиков. О реально существовавших застенках в стране в те годы предпочитали умалчивать...

В тяжелые годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в Советском Союзе были временно прекращены гонения на Церковь, и после долгого забвения были возвращены из небытия имена прославленных русских полководцев — А.В. Суворова и М.И. Кутузова. А в русском Зарубежье их никогда не забывали, свидетельство чему — строки, воспевающие славу русского оружия:

Мне помнится вечер морозный,
Луны бледноматовый свет.
Казанский собор грандиозный
С реликвией русских побед⁷⁰.

Так писал в 1923 г. В.А. Петрушевский, чей жизненный путь завершился в далекой Австралии. Казанскому собору посвящены и строки поэмы В.М. Бека «О, русская земля!». Член русской эмигрантской колонии в Буэнос-Айресе,

⁶⁹ *Лялин В.Н.* Владыка // Православный Санкт-Петербург. 2000. № 8(99). С. 7.

⁷⁰ *Петрушевский В.А.* Былые годы (1923 г.) // Стихи. Сидней, 1966. С. 95.

Владимир Максимилианович написал эту поэму в августе 1943 г., незадолго до своей кончины. Из далекой Аргентины он мысленно переносится на берега Невы, в осажденный город, откуда его путь лежит в Казанский собор, к гробнице М.И. Кутузова. Вот эти бесхитростные строки:

В Казанском каменном соборе,
Под сенью отнятых знамен,
Против Барклая, во притворе
Давно Кутузов погребен,
Под сводом сердобольских плит,
Устав от жизни, он лежит
И там без страха, без стыда
Он ждет последнего суда.
Ничто его не пробудит,
И не проходят сквозь гранит,
Ни наводнение, ни пожары,
Ни жизни повседневной хмары.
Но вдруг содрогнулся старик
От недр земельных сотрясения.
Он слышит многих грудей крик
И отдаленные рыдания...
Сквозь орудийные раскаты
И сквозь пожаров едкий дым,
Кричат... зовут его солдаты,
Что пали под Бородиным:
«Вставай, наш вождь, наш Ларивоныч,
Спеши к солдатушкам твоим.
Спасай опять... Иди на помощь
Терпеть мы больше не можем.
Во смерти нашей годовщину
Прут на Россию супостаты...
Опять, как в прежнюю годину,
Дерутся насмерть с ним солдаты
У наших больше нету сил,
Зовут в подмогу стариков,
На волю рвемся из могил,
Но смерти нам не сбить оков».
И гроб мой ангел белоснежный

Мечом пылающим открыл
И возвестил мне голос нежный:
«Воздвигнись, воин Михаил!
Услышал Бог твои моления,
Встань и плотью облекись,
Покинь се ложе погребенья
И в мир юдоли возвратись»⁷¹.

Заканчивая свою поэму, автор шлет Родине пожелание:

Потоки крови дорогой
Оплатят час победы славной,
Но встанет солнце над землей —
Великой! Русской! Православной!⁷²

И, прощаясь со своими читателями, поэт расстается с ними в Казанском соборе, у могилы полководца:

В Петра Великого столице,
Где отразил тевтонов Невский (Александр. — а. А.)
Спокойно спит в своей гробнице
Герой Кутузов, князь Смоленский⁷³.

«Оттепель»

В 1980 г., когда ожидалось большое количество иностранных гостей из-за рубежа в связи с летней олимпиадой, музей был «закрит на ремонт», его экспозицию обновили, она стала менее тенденциозной. Однако главная задача оставалась прежней. В брошюрке о Казанском соборе, изданной в 1985 г., подчеркивалось, что «пропагандистская деятельность музея соответствует ленинским принципам атеистического воспитания».

До конца 1980-х гг. обком партии расценивал музей как сугубо идеологическое учреждение, призванное активно пропагандировать «государственную религию» — атеизм. Партийцы тщательно контролировали открытие каждой выставки и давали «ценные» указания: то икон маловато, то чересчур красиво. Ругали за то, что нет отдела по современному атеизму. Им отвечали: с экспонатами туговато. И действительно, брошюрки по атеизму или фотографии

⁷¹ Бек В.М. О, русская земля! (Поэма). Буэнос-Айрес, 1944. С. 26–27.

⁷² Там же. С. 48.

⁷³ Там же.

с лекций на эту тему не выставишь — убожество «вершины духовного наследия человечества» явно контрастировало бы с великолепием предметов «мира мракобесия». Советовали подумать: повесить лаковые красочные изображения Ильича, космонавтов...

Однако после празднования 1000-летия Крещения Руси (1988 г.) им уже стало не до того. Контроль ослаб, а вскоре и вовсе прекратился. Те, кто еще вчера писал воинственные антирелигиозные статьи, вдруг начали устраивать выставки церковного искусства. В центре православного храма по-прежнему красовалась экспозиция языческих идолов, в алтаре стояли стеклянные витрины, но с фронтона Казанского собора сбили привычную надпись «Музей истории религии и атеизма», а в самом названии остались только первые три слова⁷⁴.

Опасность омертвения грозит всякой обездушенной (или задушенной) культуре; с особой остротой это ощущалось в 1930-е гг., когда шел планомерный процесс усиленного выкорчевывания религии из души народа. Все чаще деятели отечественной культуры вынуждены были выполнять социальный заказ, втискивая свое творчество в прокрустово ложе «соцреализма». Каково же было взаимоотношение религии и культуры в это смутное время? «Искусство часто оказывается демоническим, но это не лишает его божественного происхождения, — писал Г.П. Федотов. — Дьявол — актер, стремящийся подражать Богу. Лишенный творчества, он надевает творческие личины. Всего лучше он внедряется в подлинное, т.е. божественное творчество, чтобы мутными примесями возмутить чистые воды. Музой является только Святой Дух, но гарпии похищают и оскверняют божественную пищу»⁷⁵.

Казанский собор, наряду с Петропавловской крепостью и Адмиралтейством, является одним из символов Санкт-Петербурга. Расположенный на главной магистрали города — Невском проспекте, он хорошо знаком не только местным жителям, но и многочисленным гостям града Петрова. Но на протяжении нескольких десятилетий перед прохожими представала лишь внешняя оболочка былого великолепия. Вот что написал, например, один из гостей — учитель-словесник, живущий в Ростовской области, который побывал в марте 1990 г. в Ленинграде: «С изумлением и восторгом осматривал чудом сохранившиеся памятники нашей русской истории: Александрийский столп с крестоносным ангелом на вершине, соборы — жемчужины архитектуры, а точнее, те из них, которые не смогла уничтожить разрушительная рука вульгарных атеистов. Что касается последней, то она приложилась к святыням таки изрядно».

⁷⁴ Степанова И. Храм без креста // Русская мысль. 1992. № 3930. 22 мая. С. 8.

⁷⁵ Федотов Г.П. Россия, Европа и мы... С. 221.

Далее автор письма, помещенного в газете «Ленинградская правда», переходит к судьбе Казанского собора, памятника победы русского оружия в Отечественной войне 1812 г.

«Судьбе было угодно, — пишет он, — чтобы Казанский собор не повторил трагедию храма Христа Спасителя в Москве. Но что сохранилось от высокой символики в его интерьере? По-моему, только могила великого Кутузова. Неистовые разрушители устоев произвели самое порочное дело — устроили в соборе Музей истории религии и атеизма. Сделано это было словно в насмешку над духовными и нравственными ценностями многострадального русского народа»⁷⁶.

...Несколько поколений русских верующих пережили трагический опыт тотальной секуляризации культуры и внедрения атеистической идеологии в сознание народа. Но, к счастью, эта мертворожденная идеология внедрялась в умы, но не смогла затронуть сердца... Новое, «незашоренное» поколение начинало осознавать, что «так жить нельзя». Но в те годы свой протест молодые люди могли выражать только стихийно, и некоторые акции имели место на площади перед Казанским собором.

В один из воскресных дней у Казанского собора сошлись люди. В руках у некоторых зажженные свечи. То тут, то там раздавались призывы «почтить память жертв политического террора»... Вот строки из милицейской сводки: «30 октября 1988 года около 15 часов у Казанского собора группа в 150 человек из неформальных объединений «Демократический союз», «Демократическое движение», «Демократизация профсоюзов» пыталась провести неразрешенную демонстрацию, под девизом «Памяти жертв политического террора в СССР». Поминались «жертвы политического террора в СССР» с 1917 по 1988 гг. В речах выступавших звучала мысль о том, что основной тормоз демократизации в СССР — партия коммунистов, узурпировавшая власть и держащая народ в жестких рамках тоталитаризма. Члены «Демократического союза» разъясняли, что «ДС» — политическая партия, выступающая за парламентскую демократию, многопартийную систему, полную и безоговорочную реализацию демократических свобод, независимо от их целей... У Казанского чтители память и белых, и красных потому, что «ДС» против любого террора как метода борьбы».

На приказы сотрудников милиции разойтись участники демонстрации не реагировали, и тогда ораторов стали задерживать. Цитируем уже упоминав-

⁷⁶ *Солдатов В.* Символ устранившейся духовности // Ленинградская правда. 1990. № 65. 22 марта

шуюся сводку: «...После доставления правонарушителей в 27-е отделение милиции, оставшаяся группа пыталась заблокировать Куйбышевское РУВД. При этом скандировали: «Свободу задержанным! Гласность судебному разбирательству!». Всего в тот день у Казанского собора были задержаны 32 человека, еще 12 — возле отделения милиции. Стремясь запугать сторонников демократизации, власти прибегли к репрессивным мерам. На одного из участников акции «поминовения-неповиновения» было заведено уголовное дело по неизвестной статье 191 прим., трое осуждены по статье 166 на сроки от семи до десяти суток, двенадцать оштрафованы на суммы от 10 до 200 рублей.

Подобный митинг на площади у Казанского собора был проведен в марте 1989 г. Несмотря на то, что представители «Демократического союза» подали заявку заблаговременно, разрешения от Ленгорисполкома не последовало. Тем не менее, «ДС» попытался провести здесь митинг «по обсуждению предвыборных платформ кандидатов в народные депутаты, выдвинутых избирателями Ленинграда».

У памятника М.И. Кутузову был развернут лозунг: «КПСС: среди населения — 6,7 процента, среди кандидатов в депутаты — 85 процентов». Цифра верная, взята из сообщения Центральной избирательной комиссии. Разворачивается трехцветный старый русский флаг. «Впервые за семьдесят лет над этой площадью реет наше национальное знамя!» — провозглашает оратор. Через 20 минут ораторов снимают с пьедестала. Цепи милиционеров постепенно оттесняют толпу. Но еще долго возле Казанского собора стоят блюстители порядка, и долго еще собираются спорящие группки — и никто их уже не разгоняет...⁷⁷

Постепенно многие стали освобождаться от духовного беспамятства, обретать самих себя, преобразив через призму христианства все обстоятельства нового времени. И весьма символично, что мысль о возрождении богослужений в Казанском соборе была высказана на страницах газеты «Ленинградская правда», являвшейся органом Ленинградской организации КПСС.

«Мы столько десятилетий попирали собственные святыни, что оказались на краю пропасти, дальше которого — безысходность и пустота. Сегодня мы это поняли и заговорили наконец о нравственном возрождении народа, — писал учитель-словесник из Ростова. — Мне кажется, что если когда-нибудь возрожденный Казанский собор вновь огласится волшебными звуками церковных песнопений, это будет еще одной победой на пути возвращения обществу утра-

⁷⁷ Лосев И. и др. Что случилось у Казанского? // Ленинградская правда. 1989. № 60. 14 марта. С. 3.

ченной духовности и чувства причастности к великому историческому прошлому»⁷⁸.

В августе 1990 г. была зарегистрирована община Казанского собора, в здании которого по-прежнему располагался Музей истории религии и атеизма. Правда, в 1989 г. последнее слово из названия было изъято, но по существу Музей представлял собой атеистический придаток Института марксизма-ленинизма, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Высшей партийной школы при ЦК КПСС — последних заповедников идеологии «вечно живого и всепобеждающего учения», призрак которого был выброшен жизнью на свалку истории. Вскоре исчезла и надпись на фронтоне перед входом в храм, а в местной печати промелькнуло сообщение, что вскоре купол храма «получит свое прежнее архитектурное завершение», то есть крест.

Вот что писал об этом артист АБДТ Андрей Толубеев: «Меня давно смущает искусственно созданная архитектурная и духовная незавершенность купола Владимирской церкви, Казанского собора. Собор не должен и не может быть без креста. Любой, а этот тем более. Кстати, а вернее некстати, таких нелепостей в Ленинграде в виде громоотводов много. <...> Может быть, в качестве компромисса оставить в Казанском соборе музей религии, а для атеизма подготовить другое помещение. <...> Экспозицию такого музея историй религии (как части мировой культуры) могли бы составить ученые, занимающиеся исследованием духовного наследия человечества, при помощи ленинградских духовных лиц, святых отцов духовной академии и Лавры.

Если это предложение покажется кому-то малореальным и не заслуживающим внимания, то уж не мною высказанное — Музей Отечественной войны 1812 г., думается, тоже должен находиться под сенью креста. Русский солдат все-таки шел на подвиг во имя Отечества, помолясь. И память об этом не противоречила бы духу прошедшего времени и, надеюсь, сегодняшнего. К тому же, в Казанском находится прах Кутузова, который не был атеистом. Простим их причастность к Богу, если уж взяли на себя право казнить и миловать»⁷⁹.

В январе 1989 г. под сводами Казанского собора был проведен торжественный акт, посвященный очередной годовщине освобождения Отечества в войне 1812 г. Когда-то давно в Петербурге была такая традиция — каждый год проводить здесь торжественную службу — в память о том, как в конце декабря 1812 г. наполеоновские войска были отброшены за реку Березину.

⁷⁸ *Солдатов В.* Символ устранинной духовности...

⁷⁹ *Толубеев А.* Страсти вокруг Спаса // Ленинградская правда. 1989. № 86. 12 апреля. С. 3.

Радение о славе Отечества, чествование героев, «покрытых славою чудесного похода и вечной памятью двенадцатого года», ощущение неразрывной связи с родной историей, с нашими корнями — все это было сутью той традиции, утраченной, к сожалению, со временем. Вот как проходило это торжество.

Звучат стихи А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.Н. Глинки, М.И. Цветаевой в исполнении ленинградских артистов. Возвышенно и чисто звучит музыка — Камерный хор Ленинградского музыкального общества под руководством Н. Корнева. А рядом — торжественно несут почетный караул у могилы М.И. Кутузова курсанты военных училищ, суворовцы... Шесть знамен и шесть связок ключей и сейчас в соборе — у того места, где 13 июня 1813 г. был похоронен великий русский полководец. Торжественный акт «И вечной памятью двенадцатого года» закончился возложением венков к могиле М.И. Кутузова⁸⁰.

Возрождение общины

Первым настоятелем возрожденной общины Казанского собора в 1990 г., по благословию митрополита Ленинградского и Ладожского Иоанна (Снычева), стал тогдашний преподаватель Ленинградской духовной академии игумен Сергей (Кузьмин). И в том же 1990 г. в Казанском соборе были совершены первые праздничные богослужения. Правда они носили единичный характер и проводились при активном «неудовольствии» музейной администрации. Вероятно, это возможно было только в тогдашнем перестроечном «Зазеркалье»: духовенство, прибывшее в храм со своим облачением, богослужebной утварью, переносным престолом, оказалось перед закрытыми дверями служebного входа Казанского собора, ключ от которых «потерян», а администрация по этому вопросу «не в курсе». С горечью писал тогда один из журналистов на страницах «Вечернего Ленинграда»: «Очевидно, для вящей славы Православия сохранена в соборе часть нынешней экспозиции, устроенной, как уверяет дирекция, в православно-познавательном духе. В нее введены и «живые экспонаты» — настоящий священник и молящиеся христиане»⁸¹.

Еще осенью 1990 г. решением президиума Ленсовета была создана рабочая группа по передаче Казанского собора Ленинградской митрополии. Несколько месяцев она бездействовала. Тем временем музей настойчиво проводил идею совместного существования с церковью. А священнослужители столь же настойчиво пытались объяснить, что установленный музеем «лимит» на проведение не более 12 служб в год — нонсенс.

⁸⁰ Букатич Г. И вечной памятью двенадцатого года // Ленинградская правда. 1989. № 9. 10 января.

⁸¹ Антонов В. Суeta вокруг Казанского // Вечерний Петербург. 1992. 27 октября.

«Когда музей существует при храме, это еще куда ни шло, — считал назначенный митрополитом настоятель Казанского собора игумен Сергей (Кузьмин). — Но когда храм вынужден проводить своеобразные «гастроли» в музей, это для нас неприемлемо. Мы согласны на то, чтобы музейные работники хранили у нас фонды. Согласны даже на сохранение экспозиции православного культа. В небогослужебное время могут проводиться экскурсии. И все-таки собору необходимо вернуть его изначальное предназначение». Отец Сергей был убежден: аргументы о том, что у Ленинградской митрополии не найдется средств для содержания великолепного памятника истории и архитектуры, — отговорки. С ними нельзя считаться уже хотя бы потому, что государство, якобы охраняющее памятник, не смогло уберечь его от грибка, появившегося из-за скверной вентиляции, от других очень тревожных признаков разрушения. «Ждать нельзя. Прихожане созданной при соборе общины заявляют нам о своей готовности к голодовке. Кому же нужно это дополнительное напряжение в и без того напряженной атмосфере города?» — говорил отец Сергей. Итак, на одной чаше весов бытие — в смысле сохранения изрядного штата музея; на другой — сознание. Сознание того, что несправедливо отнятое должно быть возвращено хозяевам⁸².

Однако обстоятельства понемногу менялись, и даже начались переговоры о переносе музейной экспозиции в другое помещение — в дом № 25 по Невскому проспекту. Вот что сказал по этому поводу тогдашний начальник главного управления охраны, реставрации и использования памятников Ленгорисполкома А.М. Алексеев: «Этот дом, построенный в начале XIX века архитектором В.П. Стасовым, когда-то и принадлежал Казанскому собору, в нем жили приходские священники. В последние годы дом был расселен. И теперь передаем его в аренду музею. Ресторан и магазины останутся в этом доме, а в остальных, отремонтированных помещениях, будут выставки, музейные фонды, библиотека. Средства на ремонт выделяет Министерство культуры РСФСР, работы будет вести совместное литовско-польское предприятие «Эстфэйс»⁸³.

А в январе 1991 г. во время Рождественского телемарафона «Возрождение» тогдашний мэр города А.А. Собчак пообещал митрополиту Иоанну (Снычеву) вернуть Русской Православной Церкви не только Казанский собор, но и Исаакиевский, а также Воскресенский (Спас-на-Крови) соборы. В марте того же 1991 г. к работе приступила комиссия Ленгорисполкома, которая должна была решить вопрос о возвращении Казанского собора православным верующим. Но вокруг собора-музея кормилось немало профессиональных атеистов, которых

⁸² *Питерский А.* Богу — Богово! // Смена. 1991. № 58–59. 13 марта.

⁸³ *Алексеев А.М.* Ленинградская правда. 1990. № 14. 18 января.

в условиях начавшейся деидеологизации нашего общества ждала безрадостная перспектива. Поэтому неудивительно, что они запустили в действие негласный механизм торможения, но, к чести журналистов, это вскоре было обнародовано на страницах местной печати.

«Дирекция музея даром времени не теряла, — читаем в «Вечернем Ленинграде» от 15 мая 1991 г. — Директор В. Кучинский неустанно ездил в Москву, чтобы убедить чиновников Министерства культуры РСФСР, что музей никак нельзя выселять из собора до тех пор, пока не будет возведен новый музейный комплекс. Потом, смирившись с неминуемым переездом, стал биться за то, чтобы музей остался в соборе хозяином до того дня, пока не будет полностью отремонтировано здание, отведенное ему на Почтамтской улице. «Потерпите годика три, — ласково уговаривает он верующих, — а там «берите» собор. Ну а пока — вот вам полтора придела — молитесь по праздникам и воскресеньям»⁸⁴.

Участившиеся «находки» мощей в Музее религии наводили на мысль о том, что там не все в порядке с учетом и имеются все условия для попадания церковных святынь куда угодно, только не в руки настоящих хозяев. Обеспокоенный этим положением митрополит Иоанн (Снычев) обратился с просьбой к руководству Ленсовета опечатать хранилища музея и назначить комиссию для ревизии фондов. Как только это стало известно директору музея С.А. Кучинскому, последовало его распоряжение прекратить расчистку алтарей Казанского собора, предпринятую ввиду того, что с праздника Святой Троицы в храме должны были начаться регулярные богослужения. В беседе с председателем подкомиссии Ленсовета по делам вероисповеданий и религиозных обществ А.Ю. Симаковым директор заявил, что, невзирая на отмену Декрета 1918 г., национализировавшего церковную собственность, хранящиеся в фондах иконы, утварь, а также сам Казанский собор принадлежит не Церкви, а Министерству культуры. Следовательно, претензии со стороны митрополита необоснованны, и никаких служб не будет, пока Владыка не откажется от своей просьбы. Можно было предполагать, что, несмотря на нажим, позиция Митрополии останется неизменной, и с 26 мая, дня Святой Троицы, настоятель Казанского собора игумен Сергей (Кузьмин) начнет регулярные богослужения на площади перед храмом⁸⁵.

По-прежнему оставалась неопределенной судьба церковных ценностей, изъятых в свое время из храмов «комиссарами в пыльных шлемах». Эту тему затронула молодежная газета «Смена».

⁸⁴ Антонов В. Суeta вокруг Казанского // Вечерний Ленинград. 1991. 15 мая.

⁸⁵ Никитин Н. С Богом! // Смена. 1991. № 114. 21 мая.

«Сколько раз говорилось о судьбе хранящихся в соборе бесценных сокровищ и о возврате их обратно верующим! — писал Олег Мироненко. — Провести фотофиксацию, определить дальнейшую судьбу. Однако основная задача заключалась в том, чтобы втихую «выкручивать» руки общине верующих. Хотите молиться — извольте платить музею денежки. Да еще следите за тем, чтобы ничего не пропало. А то вот недавно у нас в музее пропала шитая золотой ниткой икона, да еще «крест с камнями» — так виновных и не нашли! А если богослужение почему-либо негодно директору — так ему (богослужению, конечно) и не быть. Вот некоторые условия договора, предложенные дирекцией музея общине.

А что с передачей самого здания? Когда отремонтируют передаваемый музею дом на Почтамтской улице, когда переселится туда музей со всеми ценностями, да создаст экспозицию (а над новой, 1981 года, экспозицией музейные работники трудились десять лет!), тогда и возвратят храм. Так что ждать осталось лет 20–30.

А в соборе уже свыше десяти лет нет нормального отопления, отсутствует вытяжная вентиляция, течет крыша, идет подпитка водой подвальных помещений.

В свое время храм отобрали у верующих из-за того, что община якобы не могла его содержать. А Министерство культуры может? Посмотрите, как выглядят церкви, переданные епархии, и как выглядят те, что «охраняются государством». Денег, разумеется, у Церкви не так уж и много, но ведь передать храм верующим отнюдь не значит с плеч долой заботу о нем государства. Оно должно помогать ремонтировать и содержать здание. Вопрос в юрисдикции. У храма должен быть один хозяин — Церковь»⁸⁶.

Как это ни парадоксально, но Музей истории религии и атеизма невольно сослужил и добрую службу для Русской Православной Церкви, — в качестве хранилища «экспонатов». Так, 3 июня 1989 г. в Троицкий собор Александро-Невской Лавры были возвращены мощи святого благоверного князя Александра Невского, находившиеся до того в здании бывшего Казанского собора. (Приложение 5). В декабре 1990 г. в криптах Казанского собора были чудесно обретенны мощи прп. Серафима Саровского, утраченные после революции, а в феврале 1991 г. — мощи святителя Иоасафа Белгородского.

«<...> Дом Божий «невкусен скверны», — пишет петербургская журналька. — И собор, как живое существо, будто напрягшись из последних сил и не надеясь уже ни на чью помощь, попытался вырваться из тяжких оков и рас-

⁸⁶ *Мироненко О.* В церкви все не так, как было // Смена. 1991. № 91. 19 апреля.

крыл одну из тайн музея. Тогда же, в декабре (1990 г.), в хранилищах случайно нашли мощи одного из самых почитаемых в России святых, известного своим 1000 дневным молением на камне о победе русского воинства в войне 1812 года, явившегося теперь в подвале храма-памятника той победе. Как рассказал сотрудник музея, здесь давно лежал большой деревянный предмет, который нигде не значился, не был зарегистрирован, и все принимали его за часть какой-то громоздкой старинной мебели. Не без труда открыв «ящик», он увидел мощи человека в полный рост. На голове — скуфеечка, на руках — красные атласные рукавички с вышитой надписью: «Святой отче Серафиме, моли Бога о нас».

Это был преподобный Серафим Саровский. Святой, предвидевший, что «плотью своей в Сарове лежать не будет», предсказавший ужасы и бедствия, которые постигнут Россию, и ее помилование и спасение. Он проповедовал всеобщее покаяние и говорил, что начнется оно вскоре после второго обретения его мощей...»⁸⁷.

Церковная общественность не осталась безучастной к судьбе Казанского собора и обратилась к горожанам с просьбой поддержать их борьбу за возвращение храма. Две субботы подряд перед Пасхой на Невском у Казанского собора можно было увидеть самодельный стенд, возле которого собирались подписи. И вот вечером 25 мая 1991 г., в канун дня Святой Троицы, в Казанском соборе было совершено всенощное бдение, а на следующий день, в воскресенье, в самый день праздника — Божественная литургия. Это — особая страница в истории возрождающегося Казанского собора. Согласно достигнутой договоренности, с этого дня здесь должны были совершаться регулярные богослужения по воскресным и праздничным дням, без специального согласования с музейной администрацией.

Хотелось верить, что вскоре интерьер Казанского собора станет таким, каким он был до его закрытия в 1932 г. И все его «агитпроповские» стенды исчезнут, как с ветвей облетает отжившая листва при свежем порыве ветра. Когда-то художник Павел Корин, желая запечатлеть для истории трагический период в истории Русской Православной Церкви, написал эскиз к картине «Русь уходящая». Сегодня Россия возрождается, и впору сохранить для будущего описание тогдашнего состояния Казанского собора: ведь это была «уходящая натура» переходного периода. Итак, воскресное богослужение в день Святой Троицы, 26 мая 1991 г. (по личным впечатлениям).

Парадные ворота Казанского собора, как это было всегда на протяжении десятилетий музейного периода, закрыты. На одном из бронзовых барелье-

⁸⁷ Степанова И. Храм без креста... С. 8.

фов, украшающих врата — обезглавленная фигура апостола — еще в 1970-е гг. какой-то *мутант* (представитель новой, социалистической формации, лишенный религиозных предрассудков), ножовкой отпилил голову у фигуры, и она, быть может, до сих пор украшает его логово. Спускаемся в подzemелье через служебный вход со стороны «улицы Плеханова». Чья-то рука прикрепила на некоторых домах, стоящих вдоль этой улицы, новые таблички с ее прежним названием — Казанская улица. По подземным коридорам продвигаемся к алтарной части собора, и, наконец, поднимаемся по ступеням наверх.

Внутри храма, перед его алтарной частью, канатом огорожено сравнительно небольшое пространство для прихожан; большая часть собора недоступна верующим, т.к. там все еще размещается антирелигиозная экспозиция. В музейные годы алтарь собора был открыт для посетителей, — ведь серебряный иконостас в 1930-е годы «был утрачен», или, говоря без дипломатических иносказаний, продан за границу. Сегодня передняя часть алтаря выгорожена занавесью из белой материи; перед ней — временный деревянный престол и запрестольное Распятие, кисти В.М. Васнецова (1848–1926), входящее в музейную опись. Из надписи, сделанной на оборотной стороне Креста Христова, следует, что художник завершил эту работу буквально за несколько дней до своей кончины.

В православных храмах иконостас отделяет алтарную часть, где совершается богослужение, от молящихся прихожан. Но сегодня иконостас отсутствует, а белая занавесь отделяет престол не от прихожан, а от алтарной абсиды, где всё еще размещается музейная экспозиция, рассказывающая о *свободомыслии* в эпоху самодержавия. На одной из витрин, рядом с бывшим горним местом, — масонские символы, принадлежавшие просветителям екатерининской и последующих эпох. Только в перестроечном «театре абсурда» начала 1990-х гг. возможно такое сочетание: священник возносит молитву у престола Божия, а за занавесью — тайные символы, циркули, мастерки и другая атрибутика «вольных каменщиков»...

Храмы, использовавшиеся не по их прямому назначению, как правило, подвергались постепенному разрушению. Не избежал этой участи и Казанский собор, который нуждается в капитальном ремонте. Здание запущено, доведены до крайней степени износа многие его коммуникации. Однако до сих пор суммы, отпускаемые на реставрацию, систематически не осваиваются. Практика показывает, что мертвые, безличные средства не могут вдохнуть жизнь в дело возрождения храмов, и лишь живая копейка прихожан оборачивается реальными плодами.

Несколько десятилетий тому назад строители светлого будущего в «одной отдельно взятой (за горло) стране» подписали вексель, который они сегодня не в состоянии оплатить. Бывшие идеологи оказались банкротами, и в нормальном, цивилизованном обществе они должны были бы отойти от общественной деятельности. Хочется надеяться, что так и будет — и не только ради чаяний общины Казанского собора. Вот что говорилось по этому поводу в тогдашней печати: «Дело Казанского собора» создаст, очевидно, прецедент относительно других церковных зданий, занятых учреждениями культуры или музеями. В нашем городе это — Исаакиевский, Сампсониевский, Петропавловский, Смольный, Андреевский соборы, Спас-на-Крови. Вера не должна быть попираема, а закон — поругаем, как в недавние времена»⁸⁸.

...Подавление августовского путча 1991 г. ослабило позиции коммунистов, «притравленных» на борьбу с «религиозными пережитками». И 13 сентября того же года президиум горсовета принял решение о передаче Казанского собора верующим. Однако дискуссия не прекращалась, и было странно, что со стороны противников возвращения собора Церкви выступили некоторые публицисты, слывшие либералами. Вот что заявил, например, петербургский писатель М. Чулаки: «При нашей культурной бедности разорить музей — подлинное святотатство. Музеев — не хватает... Храмов же открывается все больше. Нужно, наконец, произвести социологическое исследование и знать, а сколько их действительно требуется? Чтобы не получилось так: замечательный музей исчезнет, а в громадном опустелом соборе будут сиротливо служить жрецы в странных архаических одеяниях — свирепо конкурируя за любознательных туристов из соседнего храма»⁸⁹.

Эта заметка появилась на страницах «Вечернего Петербурга» 25 октября 1991 г. А 4 ноября редакция газеты напечатала статью диака Павла Симакова, председателя подкомиссии по делам вероисповеданий и религиозных обществ. Вот как прокомментировал о. Павел «несвоевременные мысли» петербургского литератора.

«В статье М. Чулаки о Казанском соборе одним из аргументов против передачи собора Церкви является то, что средства на его возведение давало государство. По-видимому, автор считает СССР правопреемником Российской империи. Будто в октябре 1917-го произошла конституционная передача власти. <...> Впрочем, это не имеет решающего значения: во-первых, Казанский собор через два года после окончания строительства был отдан митрополии, а,

⁸⁸ Антонов В. Суeta вокруг Казанского.

⁸⁹ Чулаки М. Вечерний Петербург. 1991. 25 октября.

во-вторых, нынешнее законодательство не содержит никаких ограничений для государства на передачу религиозным организациям любого имущества. Была бы добрая воля власти. <...> Между тем стремление сохранить в собственности государства конфискованные у Церкви храмы, иконы, утварь — это на грани нарушения Закона «О свободе вероисповеданий».

М. Чулаки утверждает, что своим решением президиум выкинул музей на улицу. Это совсем не так: еще в мае ему было предоставлено здание на Почтамтской, 14. А епархия взяла на себя обязательства создать условия для хранения фондов, экспозиции по истории Православия до окончания ремонта нового здания. Но музей до сих пор не предпринял ничего, чтобы до 1994 г. переехать туда: не добился от мэрии принятия исполнительных решений, а раз их нет, значит, не заказана проектная документация, не определен порядок работ, нет ясности в финансировании. Горсовет же сделал все, от него зависящее, чтобы музей не оказался «под открытым небом». Так что обвинять Церковь и депутатов в гонениях на культуру, по меньшей мере, нечестно. Советскую культуру может погубить как раз привычка жить за счет других, не думая о завтрашнем дне»⁹⁰.

В своей статье о. Павел Симаков напомнил своим читателям о том, что «уникальные» фонды Музея формировались необычным способом: в основном это священные для верующих предметы, изъятые из храмов во время конфискации 1920-30-х гг. Уже отменены декрет от 23.01.1918, которым все церковное имущество существующих в России церковных религиозных обществ объявляется народным достоянием, и постановление Наркомата юстиции от 25.08.1920 «О ликвидации мощей», которые передавались в музеи. И нет уже юридического основания для нахождения всего этого имущества в составе музейного фонда.

«Есть все основания полагать, что «уникальность» музея заключается прежде всего в том, что большая часть экспонатов не может находиться здесь по чисто юридическим основаниям и должна быть немедленно возвращена хозяевам. И напрасно М. Чулаки сожалеет о судьбе нашей культуры, опасаясь, что «фонды предполагается просто раскассировать», — пишет о. Павел Симаков. — Все будет делаться по закону. Религиозные объединения предъявят юридически обоснованные претензии (в горсовет уже обратились представители некоторых конфессий), комиссия их рассмотрит и примет решение. Не исключен и такой исход, что на Почтамтскую, 14, перевозить будет нечего. Но означает ли это гибель культуры? Нет. Ведь существует, например, такая забытая нами за 70 лет вещь как церковно-археологический музей, где за предметами

⁹⁰Симаков П., диак. На алтарь справедливости // Вечерний Петербург. 1991. № 254, 4 ноября.

культы следят, их изучают члены той Церкви, которая и создала эти чудесные произведения искусства»⁹¹.

В 1992 г. усилилось движение православной общественности за возвращение Казанского собора Санкт-Петербургской митрополии. 18 августа 1992 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (Ридигер), в своей петербургской резиденции в Иоанновском монастыре на Карповке, дал интервью корреспонденту «Вечернего Петербурга». В ходе беседы Святейший Патриарх подчеркнул, что Казанский собор «не должен быть просто приходским храмом. Для него необходимо выработать особый статус. Конечно, это православный собор, в котором должны совершаться богослужения. Но, вместе с тем нельзя забывать, что здесь еще и памятник воинской славы русского народа, место захоронения М.И. Кутузова, который, кстати, хотел покоем в православном храме, а не в атеистическом музее»⁹².

Но администрация Музея истории религии (и атеизма) упорно не желала освобождать здание Казанского собора. Защищая свою позицию, музейщики выражали тревогу за сохранность фондов, которые, якобы, могут пострадать при их возможном перемещении. На первый взгляд — убедительный аргумент, но, однако, рассчитанный на внешний эффект. О том, как оценивали ситуацию те, кто знал ее изнутри, было поведано на страницах «Вечернего Петербурга». Недавно прокурор Петербурга В.И. Еременко принял к рассмотрению несколько обращений граждан о деятельности Государственного музея истории религии в Казанском соборе. Эти документы свидетельствуют: администрация музея систематически нарушает законодательство о памятниках истории и культуры, а также положения о музейном фонде, учете и хранении музейных ценностей. Заявления поступили от бывших научных сотрудников музея: Г.Г. Прошина, О.М. Литовченко, Д.В. Андрусенко, В.Н. Ларионова, Б.И. Загуменного. Претензий в них высказано много. Прочитируем лишь некоторые.

«Недопустимое по физическим условиям хранение экспонатов, фактически ведущее к их гибели. Так, невозможно с хранительской точки зрения совместное размещение в одном хранилище экспонатов раздела первобытных религий (дерево, кожа), пораженных вредителями, и ценнейшего собрания западноевропейской живописи и скульптуры XVI–XIX веков. За последнее время в музее участились случаи хищения экспонатов: из экспозиции исчезли культовые древнеегипетские скульптуры — фигурки божеств, русская икона золотого шитья. Вносятся исправления в вес отдельных культовых предметов из драгоцен-

⁹¹ Там же.

⁹² Степанова И. Будут молитвенно чтить // Вечерний Петербург. 1992. № 192. 19 августа.

ных металлов. Таинственна судьба трофейной коллекции живописи и скульптуры, вывезенной из Германии в 1945 г. и находящейся в числе засекреченных. Большинство икон хранятся на стеллажах впритык друг к другу, без картонных разделителей. Многие лежат на полу или придвинуты к шкафам в проходах. Некоторых икон вообще нет на месте, нет в фонде (например, иконы XVI века критского письма «Божья Матерь Умиление»).

При разборе чердачных помещений от мусора во время субботников обнаруживались иконные доски или культовые предметы, не имеющие инвентарного номера, но лежащие как «кучи мусора». Летом 1991 г. в подвале обнаружили в сложенных ящиках два или три упакованных ящика с книгами, которые, как выяснилось по документам, якобы 2–3 года назад были отправлены в библиотеку другого города, но лежали не востребованными в подвале и всеми забыты».

В своем заявлении бывшие сотрудники заметили, что обратиться в прокуратуру их побудили не личные мотивы, а обстановка в Музее истории религии, при которой культурное достояние России находится под угрозой. Итак, прокурор города документы принял. После работы с каждым заявителем он, вероятно, в порядке общего надзора назначит и проверку государственного учета и хранения, операций по перемещению (в том числе — вывозу за границу), по передаче другим юридическим лицам предметов, находящихся в фондах и экспозициях, а также книг — на предмет соответствия нормативным актам о памятниках истории и культуры, о музеях и музейных ценностях. Если такая проверка состоится, это случится впервые. Ведь раньше, по сложившейся практике, прокуратура не вмешивалась в подобные дела: музей контролировали лишь ведомственные, министерские комиссии. Поскольку вокруг Казанского собора и его фондов и без того ходит немало слухов, думается, администрация музея больше всех будет заинтересована в независимой проверке, которая ответит наконец на вопрос: есть ли тайны у Казанского собора?⁹³

О том, как развивались дальнейшие события, рассказала петербургская журналистка Ильмира Степанова, автор серии публикаций, посвященных судьбе Казанского собора. Итак, октябрь 1992 г.

Группа бывших сотрудников Музея истории религии обратилась к прокурору города с заявлением, в котором говорится о нарушениях при хранении экспонатов в фондах музея. Прокурор города В.И. Еременко поручил проверить порядок учета и хранения музейных ценностей главному контролеру-ревизору Минфина РСФСР по Петербургу. Затем материалы проверки будут направлены в прокура-

⁹³ *Степанова И.* Снова о тайнах Казанского собора // *Вечерний Петербург.* 1992. 23 сентября.

туру, где, руководствуясь законом, и сделают окончательные выводы. Кстати, в соответствии с решением комиссии мэрии по определению форм сдачи в аренду зданий-памятников передача Казанского собора митрополии должна была состояться 1 октября. Но только недавно проект распоряжения прошел окончательное согласование: после долгих раздумий его подписали представители музея.

А пока бумаги ходят своим чередом, страсти вокруг собора не утихают. Недавно, например, случился такой инцидент. Когда верующие пришли в храм на заказной молебен, они обнаружили здесь... съемочную группу фильма «Русские каникулы». Стояли софиты, актеры в священнических одеяниях готовились к съемкам. Все происходило с разрешения администрации музея, но без согласования с настоятелем Казанского собора. На просьбы верующих прекратить кощунственные, с их точки зрения, действия последовал отказ. И тогда началась потасовка, в ходе которой были повреждены входные двери собора, а некоторым ее участникам порвали одежду⁹⁴.

Материальный вопрос был поставлен во главу угла. Музейные работники на своем заседании не постеснялись заявить: «Отдать собор в центре города, чтобы попы там себе мощну набивали?!» Настоятель Казанского о. Сергей (Кузьмин) хотел было в суд подать, а ему говорят: кого оскорбили? Конкретные имена не названы, а на нет и суда нет. Директор музея категорически отказывается подписать с общиной договор, регулирующий порядок богослужений, которые проходят здесь с весны 1991 г., но «на птичьих правах». Он произвольно вносит изменения в порядок богослужений, а то и вовсе обещает отменить их «в связи с реэкспозицией». Были случаи, когда верующих не впускали в собор, а во время венчания являлся сторож и требовал прекратить совершение таинства, потому что «время неурочное»⁹⁵.

Но время уже работало против «врагов Креста Христова». Уже через неделю, 30 октября 1992 г., с Канонерского завода был доставлен крест, который предполагалось установить на куполе Казанского собора. Этому событию предшествовала длительная подготовка. И об этом также было рассказано на страницах «Вечернего Петербурга». Слово Ильмире Степановой.

⁹⁴Алешина (Степанова) И. Потасовка у собора // Вечерний Петербург. 1992. № 244. 22 октября.

⁹⁵Степанова И. Храм без креста... С. 8.

«Вообще-то крест изготовлен полуподпольно. Дело в том, что ГИОП требовал от реставрационно-хозяйственного центра Санкт-Петербургской митрополии, взявшейся за это дело, представить наброски, чертежи, научные выкладки, провести испытания и только потом, после обсуждения, дать разрешение и приступить к изготовлению. Все это, разумеется, требовало времени. Но руководитель центра В.П. Патрин, взяв благословение у митрополита Иоанна, решил сделать его к празднику Казанской иконы Божией Матери, т.е. к 4 ноября.

Чертеж по образцу старого, прежнего креста выполнил главный архитектор реставрационно-хозяйственного центра К.П. Ворпулев. А отливали его на Канонерском заводе (руководитель группы И.И. Загородный). Профессор А.Н. Лялин из Института железнодорожного транспорта — специалист в области сопротивления металлов, — не взяв ни копейки за свои труды, сделал чертежи; расчеты по изготовлению и установке креста, провел исследовательские работы.

Кстати, когда вскрыли шар над куполом, обнаружили следы давнего ремонта. После установки первого креста в 1824 году из-за сильного ветра он согнулся. Тогда были проведены работы по усилению гнезда. Теперь же уровень страховки будет в два раза превышать прежнюю. Сегодня же ГИОП рассмотрит все документы и вынесет свое заключение. После этого Музей религии готов выделить золото для золочения креста, а к середине ноября он будет установлен над куполом Казанского собора»⁹⁶.

На пути к желанной цели возникали все новые и новые препятствия, но, в конце концов, все они были преодолены, и купол собора был увенчан-таки крестом. Случилось это на Страстной неделе, в Великую субботу 30 апреля 1994 г., в канун празднования Пасхи Христовой. Так в наши дни сбылось пророчество святого апостола Павла: «Бог поругаем не бывает» (Гал 6:7).

В 1992 г. в Санкт-Петербурге был проведен 2-й Международный музыкальный фестиваль «Рождественские встречи в Северной Пальмире». Открылся он 26 декабря в Большом зале Филармонии; в течение двух недель лучшие исполнители Франции, Германии, Эстонии, Грузии и Санкт-Петербурга давали концерты. В программе — хоровая и симфоническая музыка, выступления вокалистов. «Фестиваль пройдет также и на новых площадках — в Смольном и

⁹⁶ *Степанова И.* Крест над Казанским // *Вечерний Петербург.* 1992. № 251. 30 октября.

Казанском соборах, в музее А.А. Ахматовой, костеле города Пушкина, в церкви Всех Скорбящих»⁹⁷, — отмечалось в тогдашней прессе. С начала 1990-х гг. в Санкт-Петербурге стали проводиться Пасхальные фестивали, приуроченные к светлому празднику Воскресения Христова. Возрождая традицию великопостных концертов, коими славилась «северная Пальмира», Санкт-Петербургский Пасхальный фестиваль явился масштабным культурным и благотворительным проектом. Духовная музыка зазвучала не только в залах Филармонии, во Дворце Белосельских-Белозерских, в Казанском соборе, — бесплатные благотворительные концерты стали проводиться в детских приютах, больницах, колониях, домах престарелых и инвалидов. По замыслу организаторов фестиваля каждому христианину в Пасхальные дни должно быть доступно высокое искусство, несущее миру *свет, благо, красоту и любовь*.

Заключительный концерт очередного пасхального фестиваля был проведен в Казанском соборе 9 мая 1994 г. В храме воинской славы собрались вместе лучшие хоровые коллективы фестиваля. Под сводами собора зазвучали православные духовные песнопения. А в заключение под управлением Андрея Аниханова сводный хор фестиваля, Государственный симфонический оркестр Санкт-Петербурга и духовой оркестр Военно-Морской академии исполнили редко звучащую ораторию «Тебе, Бога, хвалим» Дж. Сартти — известного придворного композитора екатерининской эпохи. Яркой краской в звуковой палитре фестиваля стал праздничный, колокольный звон. Первого мая он зазвучал одновременно со всех звонниц храмов Санкт-Петербурга и его окрестностей, став мощным аккордом, славящим торжество Великой Пасхи.

На первой в Петербурге «звонильной неделе» свое самобытное искусство продемонстрировали лучшие звонари России, лауреаты Всероссийских конкурсов. Ежедневные концерты колокольной музыки обещали превратиться в уникальную историко-культурную акцию не только в рамках Пасхального фестиваля, но стать подлинным событием музыкальной жизни города. Огромная городская аудитория сможет познакомиться со знаменитыми школами колокольного звона, узнать, как славят Пасху звонари в Архангельске, Москве, Ростове Великом, на Волге.

Но только лишь через два года петербуржцы смогли услышать игру колоколов Казанского собора на «звонильной неделе». 4 ноября 1995 г., после многих десятилетий безмолвия, в праздник Казанской иконы Божией Матери вновь зазвучали колокола на звоннице Казанского собора. В канун праздника, вместо

⁹⁷ *Алекаева Г.* Музыка рождественских встреч // Вечерний Петербург. 1992. № 295. 24 декабря. С. 1.

изъятых в 1930-х годах, здесь были установлены новые колокола, отлитые за заводе «Монументальская скульптура» по заказу Общества возрождения духовных традиций Руси. На то время их было только 4, и считалось, что постепенно будут восстановлены все 12 колоколов⁹⁸.

Начало 1997 г. в истории Казанского собора было отмечено неординарным событием. В Светлую ночь, сразу после рождественского всенощного бдения, которое возглавил митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир (Котляров), в Казанском соборе начался молебен в честь победы России над Наполеоном в 1812 г. Местом проведения сразу двух богослужений, посвящённых светлому празднику Рождества Христова и победе России в Отечественной войне 1812 г., Казанский собор был выбран в этом году, после долгого перерыва, не случайно. После победы над армией Наполеона в соборе были размещены трофеи Отечественной войны. А в 1813 г. в нём был погребён М.И. Кутузов⁹⁹.

21 июля того же 1997 г., в праздник Казанской иконы Божией Матери, в Казанском соборе была совершена Божественная литургия, которую возглавил митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир (Котляров). Праздничная литургия сопровождалась звоном колоколов и завершилась крестным ходом. В этот день прихожане праздновали не только свой престольный праздник, но и освящение временного иконостаса, установленного 18 июля. (Оригинальный иконостас собора был целиком выполнен из отвоёванного у французов во время Отечественной войны 1812 г. серебра весом более тонны). Иконостас, освящённый 21 июля, является временным, поскольку прихожане собора намерены хотя бы частично восстановить оригинал¹⁰⁰.

В феврале 1998 г. по инициативе генерального директора — главного редактора газеты «Санкт-Петербургские ведомости» — Олега Кузина и Ассоциации клуба «Невский проспект» состоялось заседание «круглого стола» по проблемам будущего Казанского собора. Разговор шел о передаче собора Санкт-Петербургской епархии и переводе Государственного музея истории религии в новый строящийся комплекс на Почтамтской улице, 14. Участники встречи были проинформированы о том, что для решения этого вопроса создана специальная комиссия. Она установила, что для окончания ремонтных работ в новом здании на Почтамтской улице необходим срок в два года, а окончательный вывод музея из собора возможен только через 3 года. Комиссия также решила, что просьба епархии об открытии западного входа в собор не может быть удовлетво-

⁹⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1995. № 213. 5 ноября.

⁹⁹ Благовест-инфо. СПб., 1997. 10 января.

¹⁰⁰ Благовест-инфо. СПб., 1997. 22 июля.

рена, так как это сопряжено с резким нарушением температурно-влажностного режима, проблемами обеспечения охраны музейных предметов и неизбежностью закрытия экспозиции. В итоге комиссия рекомендовала Музею истории религии и Санкт-Петербургской епархии оформить права совместного использования помещений Казанского собора по фактическому состоянию на декабрь 1997 г.

Комментируя это сообщение, настоятель Казанского собора протоиерей Павел Красноцветов заявил, что, «к сожалению, мы не получили законных оснований быть владельцами собора. А это очень сильно мешает восстановлению ценностей, главного иконостаса, который мы сейчас пытаемся воссоздать. Собор нужен епархии полностью, чтобы проводить в нем богослужения не в ущербном виде, а по всем правилам. Епархия настаивает на передаче ей собора полностью, с тем чтобы она могла вкладывать деньги в его реставрацию. Они могут быть найдены церковью у населения».

Что касается подписания документа о совместном использовании собора на нынешнем этапе, то, по мнению о. Павла (на тот период времени), «это лучший путь — мы согласны. Будем действовать бок о бок с музеем, а затем надо обращаться к правительству страны с просьбой решить проблему окончательно».

Протоиерей Павел рассказал о том, в какой стадии находится восстановление иконостаса Казанского собора: «Часть подлинных икон из собора мы нашли в Русском музее и попросили в Академии художеств выделить студентов, которые могли бы скопировать их для нас. Для будущих художников, обучающихся на курсе иконописи, это хорошая практика, а мы оплачиваем материалы. Размер икон 1,88 м х 1,70 м. Три раза в неделю студенты приходят в Русский музей, где им выделено помещение, и безвозмездно пишут копии. Можно сказать, что у алтаря уже есть Златые врата».

О проблемах, связанных с реставрацией самого здания собора, рассказала заместитель председателя комитета по контролю, использованию и охране памятников истории культуры Ольга Таратынова. Городу необходимо произвести срочно ремонт фасада, который находится в аварийном состоянии. Пудостский камень, который использован при возведении Казанского собора, уже давно почернел, а месторождения его, увы, уже практически исчерпаны. Барельефы на аттиках гибнут на глазах от выхлопных газов. Они уже практически «обмылились», и их надо срочно копировать, чтобы сохранить. А сколько средств потребует ремонт кровли, гидроизоляция, инженерные сети? Трудно даже назвать цифру.

В первую очередь надо спасти само здание, но вопрос капитального ремонта Церкви вряд ли сможет решить самостоятельно. Так, только в 1897 г. на ремонт церкви из бюджета города было выделено 9 млрд. рублей («старых»). Поэтому КГИОП тоже видит решение проблемы в совместном использовании здания епархией и музеем¹⁰¹.

В воскресенье 29 марта 1998 г. Казанский собор был освящен по полному церковному чину. Церемонию совершил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир (Котляров) при большом стечении городского духовенства и прихожан. С 1991 г. в соборе начали снова проводить богослужения. Однако по церковным канонам храм должен быть вновь освящен. Примечательно, что к этому радостному для верующих событию было приурочено и восстановление столешницы, которая была водружена на свое место — престол за иконостасом в алтаре. Как рассказал настоятель собора о. Павел Красноцветов, столешницу нашли случайно на чердаке собора, где она пролежала более шести десятков лет, и отреставрировали¹⁰².

6 апреля 1998 г., в канун Благовещения, на звоннице Казанского собора был установлен новый колокол. (Как известно, Казанский собор в 1930-е гг. постепенно лишился больших колоколов, отлитых еще в XVIII столетии). Новый колокол, весом 1200 кг, отлили на Балтийском заводе; он занял свое место в звоннице, которая находится в западном крыле Казанского собора. Вот как это происходило.

Могучий кран «Като» бережно поднял колокол с грузовика и опустил его на специальные салазки. Рабочие осторожно завалили колокол на бок и «запеленали» прочными канатами. Его снова подхватил кран и не спеша стал поднимать к звоннице, где колокол готовы были принять на специально построенном для этого случая помосте. Еще несколько минут бока колокола отражали сумрачный свет пасмурного дня, а потом он скрылся в полумраке внутри собора. На звоннице кто-то задел один из малых колоколов, и в толпе, которая ждала чего-то еще, начал быстро передаваться шепот: «Приветствуют его младшие-то... Добрый знак...»¹⁰³

¹⁰¹ Долгопятова Е. Какая судьба ожидает Казанский собор // Санкт-Петербургские ведомости. 1998. № 36. 25 февраля. С. 5.

¹⁰² Долгопятова Е. Освящен Казанский собор // Санкт-Петербургские ведомости. 1998. № 59. 31 марта. С. 2.

¹⁰³ Федоров Н. Вознесение канунного // Санкт-Петербургские ведомости. 1998. № 64. 7 апреля. С. 1.

Колокол был назван «Канунным». По форме он повторяет легендарный Царь-колокол, а барельеф на нем изображает знаменитую Казанскую икону Божией Матери.

Собственный голос колокола жители Петербурга впервые услышали на Пасху. Было решено, что в ближайшие несколько лет Казанский собор получит еще два колокола. А в феврале 2003 г. в городской прессе появилось очередное сообщение: «В литейном цехе Балтийского завода отлили новый колокол для Казанского собора. Весит он 4,4 тонны, его высота — 2,25 метра. Балтийский завод уже 5 лет отливает колокола. Этот колокол — самый крупный колокол, который когда-либо отливался на заводе. Освящение колокола совершил настоятель Казанского собора протоиерей Павел Красноцветов»¹⁰⁴.

10 апреля 2003 г. состоялся подъем и установка этого колокола на звонницу Казанского собора. Новый колокол был назван «Владимирским», — это дар городу к его 300-летию от ассоциации «Клуб «Невский проспект». (Первый колокол для Казанского собора был отлит в 1998 г. также на средства, собранные ассоциацией). Ассоциация «Невский проспект» изыскивает возможности изготовить еще один «благовест», чтобы над городом зазвучала вся гамма колоколов Казанского собора¹⁰⁵.

В апреле 2003 г. — новое сообщение: «Балтийский завод изготовит колокол для Свято-Троице-Сергиевой Лавры. Это будет самый большой колокол, который когда-либо отливали балтийцы. Его вес составит 67 тонн. По сравнению с ним колокол для Казанского собора, недавно изготовленный на заводе, кажется просто игрушкой»¹⁰⁶.

В воскресенье 20 сентября 1998 г. сотни верующих пришли в Казанский собор для того, чтобы преклонить колени и воздать хвалу Пресвятой Богородице. В этот день настоятелем храма протоиереем Павлом Красноцветовым был освящен по иерейскому чину придел Рождества Богородицы¹⁰⁷.

В 1999 г. сквер у Казанского собора был огорожен забором на реставрацию. Во время земляных работ были обнаружены одна из первых питерских булыжных мостовых и фундамент возведенной в 1730-е гг. церкви Рождества Богородицы. Это была первая церковь на Невском проспекте, предшественница Казанского собора.

В 1999 г. была продолжена традиция «крестохождения». В «день убиения царственных мучеников» клирики и миряне Санкт-Петербургской епархии от-

¹⁰⁴ На заводе отлили колокол // Смена. 2003. 14 февраля. С. 3.

¹⁰⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 2003. № 68. 11 апреля. С. 2.

¹⁰⁶ Метро. 2003. № 21(462). 3 апреля. С. 1.

¹⁰⁷ Петровский курьер. 1998. № 35. 21 сентября. С. 3.

служили молебен и совершили становившийся уже традиционным крестный ход от Спаса-на-Крови к Казанскому собору¹⁰⁸. А сам собор продолжал благоуkrашаться. В декабре 1999 г. студенты Академии художеств передали настоятелю Казанского собора о. Павлу Красноцветову для восстанавливаемого алтаря копии икон Пресвятой Богородицы, апостола Петра и св. Александра Невского¹⁰⁹.

8 декабря 1999 г., в середине дня Невский проспект огласился перезвоном колоколов Казанского собора, созвавших горожан на торжественное действо под своды храма. Здесь собрались и ветераны, и молодежь, и совсем еще юные петербуржцы. В назначенный час почетный караул, развернув славный Андреевский флаг, пропитанный порохом морских сражений и солеными ветрами дальних походов, по алой ковровой дорожке понес его к амвону собора, где стояли представители Православной Церкви во главе с митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Владимиром (Котляровым).

— Мы передаем этот исторический флаг на вечное хранение в Казанский собор, возведенный во славу подвигов российского воинства, — прозвучало под сводами храма.

Митрополит, поблагодарив дарителей, обратился к собравшимся:

— Это не просто знамя, морской символ, это далекая история славного прошлого Православия, духовности русского народа, российской государственности. Андреевский флаг после долгих скитаний, даже по Африканскому континенту, возвращается снова в наш родной город Петербург, являющийся колыбелью Российского флота <...> Люди приходят и уходят, но реликвии остаются. Этот флаг мы перенесем в алтарь, где совершаются церковные таинства, затем оденем в раму и поместим справа от захоронения М.И. Кутузова.

Передача флага произошла практически накануне 300-летия того памятного дня, когда Петром I был учрежден Андреевский флаг — кормовой флаг кораблей Российского флота.

Весьма интересна и судьба морского стяга, переданного на вечное хранение церкви. О ней рассказал доктор технических наук, профессор, директор Института информационных технологий Евгений Истомин:

— В 1996 г. распоряжением, подписанным тогдашним вице-мэром Петербурга Владимиром Путиным, была создана рабочая группа. Она должна была отправиться в город Бизерту (Тунис), куда в 1920 г. из Севастополя ушли российские корабли. Эта история широко известна сегодня. На чужбине была создана русская диаспора, члены которой построили храм Александра Невского.

¹⁰⁸Православный Санкт-Петербург. 1999. № 8 (86). С. 2.

¹⁰⁹Православный Санкт-Петербург. 1999. № 12 (90). С. 2.

Здесь и были сохранены два исторических Андреевских флага, снятых с кораблей в 1924 г. Петербургская экспедиция добралась до Бизерты, доставив туда современные Андреевские флаги, освященные в Александро-Невской Лавре, и капсулы священной земли с берегов Невы. Русская диаспора, получив эти дары как символ преемственности, в свою очередь передала петербуржцам два исторических стяга. Один флаг передали в Центральный Военно-морской музей. Второй решили поместить в Казанском соборе на вечное хранение. Эта миссия выполнена¹¹⁰.

14 декабря 1999 г. состоялась полная передача Казанского собора Санкт-Петербургской епархии Руской Православной Церкви. Соглашение о передаче подписали митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир (Котляров), министр культуры России Владимир Егоров и губернатор Санкт-Петербурга Владимир Яковлев. В документе отмечалось, что «стороны обеспечивают всестороннее взаимодействие по вопросам сохранения, реставрации и связанных с этим исследований памятника истории и культуры федерального значения Казанского собора. Возвращенному храму епархия намерена придать статус кафедрального. Государственный музей истории религии, с 1932 г. располагавшийся в стенах собора, согласно подписанному документу, окончательно должен переехать в новое помещение до 1 января 2002 г. (К декабрю 1999 г. было освобождено богослужбное пространство собора, но часть фондов музея еще оставалась в здании храма. Реставрация здания, находившегося в аварийном состоянии, шла медленно и в основном за счет спонсоров).

Соглашение не предусматривало возвращение Церкви священных реликвий, они останутся экспонатами музея, переезжающего в новое здание. Из бывшей собственности собора ему лишь частично возвращено убранство алтаря¹¹¹.

31 декабря 1999 г. в Казанском соборе была совершена Божественная литургия, которую возглавил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир (Котляров). Поздравив прихожан с наступавшим 2000 годом, он провозгласил Казанский собор кафедральным¹¹².

¹¹⁰Трефилов Ю. Славный Андреевский стяг // Санкт-Петербургские ведомости. 1999. № 226. 9 декабря. С. 1.

¹¹¹Казанский собор передан Церкви // НГ-Религии. 1999. № 24(47). 22 декабря. С. 1.

¹¹²Православный Санкт-Петербург. 2000. № 1(92). С. 2.

Приложение 2¹¹³

Решетка Казанского собора является одной из самых красивых в Петербурге. Может быть, она интереснее по замыслу, нежели та, что стоит у Летнего сада и едва ли во многом уступит решетке Смольного монастыря. С улицы, от сквера, решетка обшита листами заржавелого железа, грубо заколочена досками, закрыта, наконец, на значительный кусок слева — фотографией (ателье) Левицкого, справа — садоводством и оранжереями! Причиной такого возмутительного по своей небрежности отношения к чудесному сооружению архитектора Воронихина являются довольно характерные обстоятельства. Дело в том, что вопрос о принадлежности участка земли, на котором находится фотографическое заведение, садоводство с оранжереями, табачные лавочки, беседки, собачьи будки и, оттиснутая ими, решетка, до сих пор остается спорным.

Между Казанским собором и Институтом уже давно возникали недоразумения. Но так как Сиротский Институт находится в ведомстве учреждений императрицы Марии, то понятно, что арендная плата за наем участков под оранжереи и т.п. поступает в кассу Института и является статьей дохода, от которого Институт не может отказаться. Решетка наполовину отделяет сквер от сада, где гуляют воспитанницы, наполовину от двора, где сложены дрова до самого верха решетки. Вследствие этого начальство Института забило низ решетки железными листами, дабы закрыть гуляющих воспитанниц от взоров публики.

Поднимался не раз вопрос о перенесении никому не нужной на этом месте решетки на другое, более ей подобающее, но, к сожалению, конструктивное состояние ее весьма плохо. Неокрашиваемая, забитая железными листами, ржавеющая, с покачнувшимися столбами, она все же выстоит некоторое время, тогда как снятие ее с места грозит ее полным разрушением. Досадно делается при мысли о том, как может от самых ничтожных причин погибнуть сооружение знаменитого зодчего. Столь же грустно, что даже в таком виде решетка недоступна осмотру. Если вы пожелаете увидеть всю решетку (что возможно с другой стороны ее, со двора Института), вам поставят какие-либо препятствия, либо просто потребуют удалиться.

И вот, с одной стороны — полное пренебрежение не только к сохранению, но даже к содержанию решетки, а с другой — защита от взоров редкого любителя, от аппарата коллекционера-фотографа или наброска художника. <...>

Приложение 3¹¹⁴

<...> Из ризницы собора Казанской Божией Матери, ризницы, богатой своими ценными художественными предметами, на выставке имеются интересные своей датой и именами художников предметы.

Серебряный чеканный оклад Евангелия не имеет себе подобного ни по декоративному замыслу, ни по его трактовке. Лицевая доска его представляет собою мастерски скомпонованную арку над открытыми царскими воротами с перспективным изобра-

¹¹³ Лукомский Г. К летнему строительному сезону // Старые годы. 1910. Сентябрь. С. 216–217.

¹¹⁴ Макаренко Н. Выставка церковной старины в музее барона Штиглица // Старые годы. 1915. Июль – Август. С. 42–45.

жением открывающейся глубины алтаря с престолом вдали и священнослужителями вокруг него; над сенью престола в клубах облаков — Спаситель, окруженный ангелами. Необычность темы такого оклада и некоторая курьезность подчеркиваются и техникой слишком высокого рельефа, крайне неудобного в практическом применении книги. Лепка изумительна по совершенству. На кресте, на престоле и в венце Спасителя горят камни: крест — яхонты и бриллианты, под коронами изумруды, венец и звезды — алмазы. Не менее интереса представляет самая надпись на обратной доске оклада: «1786 году Марта 17 дня сей Новый Завет Церкви Казанския Пресвятыя Богородицы, сооружен в царствование великия Екатерины иждивением церковным, под присмотром статского советника и смотрителя дворцов Алексея Ходнева, прожектировали доски живописные мастера: верхнюю — ассессоры Иван и Алексей Бельские, нижнюю и показание в работе — титулярный советник Федор Данилов».

Итак, перед нами композиция двух известных перспективистов братьев Бельских, способных не только на «живописное искусство», но и на сочинение рисунков «художественно промышленных». И едва ли, судя по данному примеру, последнее уступало первому, в качестве работы. То же подтверждается и другим произведением — выносным крестом простых форм, украшенным финифтяными иконками и скромной ниткой камней по краю. Красиво скомпонованный венок вокруг нижнего эмалевого медальона несколько не вяжется с лучистыми обрамлениями остальных медальонов, но в общем крест — простое, строгое и красивое произведение. На обратной стороне имеется ценная для нас надпись: «В храм Рождества Пресвятыя Богородицы сооружен крест на церковное иждивение под присмотром конторы строения члена гос. стат. совет. смотрителя дворцов, кавалера Алексея Ходнева, а рисунок делал живописного художес. мастер коллежский ассессор Алексей Бельской 1787 году марта 17 дня».

Но поразительны по необычности украшений в церковном обиходе серебряные вызолоченные сосуды, присланные в дар собору императором Александром I. В типичных для александровской эпохи общих формах сосудов чувствуется рука не русского мастера, равно как и в тех декоративных украшениях, которыми они в изобилии покрыты — не русская композиция. И в самом деле, весь прибор исполнен прекрасным парижским мастером *Viennais*, по рисунку величайшего в свое время художника, творца нового стиля *Empire*, Шарля Персье, в 1814 году. Сосуды эти заказаны были императором Александром I в ознаменование конца Отечественной войны при вступлении царя в Париж. Чрезвычайная строгость рисунка и орнаментальных частей и помещенных на поддоне изображений сцен из Священного Писания: Благовещения, Рождества Христова, Поклонения волхвов и Несения Креста, несколько сухих, холодных, сразу дают представление, с каким художником имеем дело. Излюбленные Персье спирально завитые стебли с редкими листьями аканфа, пальметки, виноградные лозы, маски с корзинами цветов, классические костюмы на действующих лицах и строгая вырисовка каждой мельчайшей части — удел искусства, долженствовавшего заменить разбушевавшуюся волну предшествовавших декораторов. На борту подножия надпись: «В пребывание императора Александра I в Париже 1814 года». Весьма любопытным по своей загадочной эмали представляется и крест с весьма развитыми внешними формами, сплошь украшенный расписной эмалью и рельефным изображением Распятия. Парный

ему, совершенно тех же внешних форм и с теми же деталями имеется в Троицком соборе Петроградской стороны. Вычурность внешних форм с утолщениями, перехватами, отропками в стороны, некоторые детали в технике живописной эмали, равно как и техника эмали на ручке, безусловно принадлежащей тому же времени, указывают на переходную эпоху в технических традициях между XVII и XVIII веками.

Великолепием своей композиции и безукоризненным выполнением отличается один памятник чеканки, имеющий особое значение в истории развития орнаментальных форм творчества в России XVIII века — серебряные вызолоченные венцы в стиле типичного елизаветинского рокайль, изготовленные тем не менее в 1773 году. В них можно видеть выражение высших достижений в чеканном мастерстве, по части орнаментики. Одновременно они же служат и последними памятниками в этом роде творчества, сменявшегося теперь классическими идеалами. До некоторой степени они представляют собою интерес и с бытовой стороны: в них венчался, и, по-видимому, они для настоящей цели изготовлены, наследник престола, потом император Павел I, 29 сентября 1773 года с принцессою Гессен-Дармштадтскою Августой-Вильгельминой, в Православии Наталиєю Алексеевною.

Из предметов более древних, которыми обладает ризница собора, на выставке было характерное для XVII века серебряное, неудачно вновь позолоченное, кадило, датированное 7152 = 1614 г. согласно надписи по краям кадила и крышки. В собор кадило передано по повелению императора Николая I 31 января 1842 года.

Обращаясь от металлов к тканям, среди предметов ризницы Казанского собора должны остановиться на шитом облачении, принадлежащем к славной в искусстве эпохе Елизаветы. Фелонь, стихарь, орарь и епитрахиль зеленого штофа, известные уже нам по выставке «Ломоносов и елизаветинское время», — столь же типичны и убедительны в декоративных достижениях эпохи, как и указанный венец. Золотые пучки цветов непринужденно, свободно разбросанные по зеленому фону, и массивный широкий, двойной полосой обходящий по краю, бордюр, несмотря на всю кажущуюся непринужденность, строго продуманы; широкое плечье, богато зашитое, играет лучами и прямо переносит зрителя в давно ушедшие времена блеска и роскоши. Весьма любопытны шитые серебром и золотом по серебряному глазету одежды на престол из того же собора, украшенные серебряной же кисеей, финифтяными образками и головками херувимов. История их и даже назначение совершенно были забыты, а каталог их отнес к началу XIX в. Определение это засим подтвердилось упоминанием их в каталоге «Первой Публичной выставки российских изделий» 1829 г., где они подробно описаны под № 232; выставляла их «фабрика С.-Петербургского купца Павла Лихачева в С.-Петербурге». Значительно проще одежды на жертвенник, по-видимому, одновременно исполненные, и одежды на престол из Преображенского всей Гвардии собора, украшенные большими вензелями императора Александра I и двух императриц, пожалованные в собор в их память, вероятно, по кончине императрицы Марии Феодоровны. Из Казанского же собора на выставку была дана пара хоругвей из серебряной кисеи с золотым шитьем и нашитыми расписными головками херувимов и средними иконами. Легкие, прозрачные, переливчатые, они чудесно отвечали своему назначению и особенно резко выделя-

ют неуклюжесть и неуместность тех металлических неподвижных хоругвей, которыми заполонила церкви безвкусица недавнего времени.

Приложение 4¹¹⁵

Зимой 1918–1919 гг. здание Казанского собора впервые за все время своего существования не отапливалось. Большие печи, устроенные в подвале и подававшие прежде подогретый воздух наверх, оставались холодными. Все было связано с суровыми условиями времени: дрова конфисковали для других общественных нужд, и топить было нечем.

В соборе было не теплее, чем на улице, на стенах образовались ледяные наросты. Однако службы продолжались — несмотря на все эти трудности. А настоятель собора, престарелый отец В.И. Маренин, не оставлял мысли продолжить начатое предыдущим настоятелем, о. Философом Орнатским, устройство нового придела — «Пещерного храма» — во имя священномученика Гермогена.

Задумана была эта необычная постройка еще осенью 1917 года. Тогда Петроградский митрополит Вениамин по воле судьбы находился в Чудовом монастыре, расположенном на территории Кремля. Как раз в то время происходила смена власти в Москве, и за кремлевскими стенами укрылись юнкера. Митрополит затем писал о. Философу Орнатскому: «Последние двое суток насельники Чудова монастыря спасались в подвале и подземной церкви Святителя Ермогена. <...> Стену занимаемого мною помещения пробили два снаряда тяжелой артиллерии, разорвались и произвели большие разрушения. Из своей комнаты я вышел за несколько минут перед этим <...> через двор в подземную церковь. Шла постоянная служба <...>»

В «Пещерном храме» Чудова монастыря митрополит вспомнил наверняка и о том, что в смутные времена XVII столетия именно здесь враги уморили голодом патриарха Гермогена (Ермогена). Вот при каких обстоятельствах — когда взрывы снарядов напоминали о наступившем новом смутном времени — у Петроградского Владыки возникло решение устроить подобный подземный храм в Казанском соборе <...>

Промерзшие стены собора оттаивали вплоть до июля 1919 года. От сырости на стенах и некоторых иконах появились темные пятна. Для того, чтобы в предстоящую зиму температура в соборе не опускалась ниже пяти градусов, о. Василий Маренин решил установить в здании шесть железных печей. Приступили и к работам по устройству «подземного храма» — в достаточно обширном подвальном помещении, расположенном под главным алтарем собора. Рядом с образом Казанской Божией Матери здесь был установлен ковчег с мощами священномученика Гермогена. Его передал собору патриарх Тихон, благословив тем самым задуманные работы.

Работы продолжались и в декабре 1920 года, когда настоятелем собора стал протоиерей Н. К. Чуков, освободивший о. Маренина от ставших для него непосильными забот. Лишь в январе следующего года новый гермогеновский придел был освящен митрополитом Вениамином. И если раньше его именовали «Пещерным храмом», то теперь

¹¹⁵ Аспидов А. «Пещерный храм» устроили под алтарем // Санкт-Петербургские ведомости. 2000. 4 ноября. С. 18.

все чаще стали называть «Теплым храмом»: зимой это было единственное место в соборе, где можно было согреться. Новый «храм в храме» всегда был переполнен. А ночью в нем находил приют сторож собора.

С последним обстоятельством связан один эпизод криминального характера. Архивные документы рассказывают нам о краже драгоценностей из собора, случившейся в ночь с 22 на 23 июня 1921 года. Злоумышленник спрятался днем на хорах и лежал там до ночи, завернувшись в хранившиеся здесь ковры, приобретенные в 1894 году, когда соборяне ждали у себя наследника престола и его невесту.

В эту ночь нес службу сторож Василий Алексеев. Он осмотрел собор, а потом зашел в «Теплый храм» и заснул. Через два часа преступник спустился с хоров, проник к безоружному сторожу, связал ему руки и ноги. А сам с награбленными драгоценностями скрылся — через форточку, обращенную к каналу. Преступник, к счастью, вскоре был обнаружен, и похищенные ценности вернулись в собор. Но ненадолго. Летом 1921 года в Поволжье случилась засуха. В деревнях, селах от голода гибли люди, не было семян для весеннего сева. Патриарх Тихон благословил добровольное пожертвование церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления. Однако в феврале 1922 года постановлением ВЦИК было разрешено изымать у церкви все предметы, содержащие в себе драгоценные металлы и камни, не делая исключений и для священных сосудов. Все это привело к волнениям среди верующих. <...>

А в июне-июле того же года в зале Филармонии Петроградский революционный трибунал судил тех, кого считал виновными в беспорядках. Митрополита Вениамина и протоиерея Чукова (в числе других) приговорили к расстрелу. Постановлением ВЦИК расстрельный приговор для о. Николая Чукова был заменен тюремным заключением. Возможно, было учтено, что Казанский собор, настоятелем которого он был, дал в пользу голодающих 125 пудов ценностей. Позже, в 1945 году, протоиерей Николай Чуков стал митрополитом Ленинградским и Новгородским. <...>

Последствием событий 1922 года было и то, что Казанским собором завладели так называемые обновленцы. Подвальные помещения собора они стали сдавать в аренду кооперативу «Пролетарий» — для хранения картофеля. При этом, наверное, и был упразднен уникальный «Пещерный храм».

Приложение 5¹¹⁶

3 июня 1989 года в Ленинграде Министерство культуры РСФСР в знак уважения чувств граждан Советского Союза, исповедующих Православие, передает Ленинградской Митрополии останки знаменитого защитника земли русской Великого князя Владимирского Александра Ярославича Невского, которого Русская Православная Церковь глубоко чтит как своего святого и как небесного покровителя города Санкт-Петербурга — Петрограда — Ленинграда». <...> Этот акт скрепили вчера своими подписями министр культуры РСФСР Ю.С. Мелентьев и член Священного Синода Русской Православной Церкви, Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей. <...>

¹¹⁶ *Богословская Е.* Святыня // Ленинградская правда. 1989. 4 июня.

Александр Невский... Среди героических, легендарных фигур отечественной истории эта — одна из самых ярких. Мужественный воин, защитник рубежей Отечества, мудрый политик, о котором и в летописи сказано: «иже потрудися за <...> всю Русьскую землю». Он был канонизирован и причислен к лику святых, и недаром Петр I, утвердившись на Невских берегах, вспомнил о своем великом предшественнике, одержавшем здесь одну из самых славных побед, назвал Александра Ярославича небесным покровителем новой российской столицы и велел перенести из Владимира в Санкт-Петербург его мощи. На галере, под гром пушек и колокольный звон самим Петром Великим был доставлен прах Александра Невского в наш город, где и хранился, помещенный в кипарисовый ларец, а позже и в роскошную серебряную гробницу, почти два столетия.

Возможно, не стоит день торжества омрачать грустными воспоминаниями, но нельзя не сказать о том, что было с кипарисовым ларцом в последние десятилетия. Сергей Эйзенштейн снимал один из своих шедевров — фильм «Александр Невский», Павел Корин писал величественный портрет Князя-Воина, в трудную для Родины пору — в 1942 году — был учрежден боевой орден Александра Невского. А в это время ларец с останками великого сына Отечества, изъятый из Лавры в первые послереволюционные годы, пылился на полке в музейной кладовой в Казанском соборе.

Десятки лет об этом не задумывались, а если и возникал вопрос о национальной святыне, то — оставался без ответа. Как же все-таки долго мы шли к тому, что произошло нынче!

<...> Поблагодарив сотрудников Музея религии и атеизма за то, что десятилетиями хранили они одну из самых почитаемых Русской Православной Церковью святынь, народный депутат митрополит Алексей ответил, что впервые в нашем городе происходит такое событие, и это — убедительное свидетельство добрых отношений между Церковью и государством. Эта же мысль прозвучала и в выступлении министра культуры РСФСР Ю.С. Мелентьева: в трудном поиске путей нравственного обновления общества, которым отмечены наши дни, активно участвует Церковь.

После первого благодарственного молебна во всех действующих православных храмах города зазвонили в колокола — возвестили о торжественной церемонии переноса мощей Александра Невского из Казанского собора в Лавру. Отныне этот день будет объявлен традиционным церковным праздником. А Троицкий собор в Александроневской Лавре станет одним из главных мест паломничества православного мира, памятным местом для всех, кому дороги честь, достоинство и слава Отечества.

Многие сотни горожан встретили процессию на площади Александра Невского у входа в Лавру. Под сводами Троицкого собора был отслужен торжественный молебен, а сегодня состоится крестный ход, во главе которого будет пронесен ковчег с останками мощей национального героя России.

Источники и литература

1. *Алекаева Г.* Музыка рождественских встреч // Вечерний Петербург. 1992. № 295. 24 декабря.
2. *Алексеев А.М.* Ленинградская правда. 1990. № 14. 18 января.
3. *Алешина (Степанова) И.* Потасовка у собора // Вечерний Петербург. 1992. № 244. 22 октября.
4. Андрей Никифорович Воронихин // Художественная газета. 1837. № 6. Март.
5. *Антонов В.* Суэта вокруг Казанского // Вечерний Ленинград. 1991. 15 мая.
6. *Антонов В.* Суэта вокруг Казанского // Вечерний Петербург. 1992. 27 октября.
7. *Бек В.М.* О, русская земля! (Поэма). Буэнос-Айрес, 1944.
8. Благовест-инфо. СПб. 1997. 10 января.
9. Благовест-инфо. СПб. 1997. 22 июля.
10. *Блок А.А.* Дневник 1901–1902 гг. // Собрание сочинений. Т. 7. М. – Л., 1963.
11. *Блок А.А.* Письма к жене. 17 янв. 1902 г. СПб. М., 1978.
12. *Букатиц Г.* И вечной памятью двенадцатого года // Ленинградская правда. 1989. № 9. 10 января.
13. *Валера-и-Алкала Гальяно Х.* Письма из России. СПб., 2001.
14. *Гагерн Ф.* Дневник путешествия по России в 1839 году // Русская старина. 1886. Июль.
15. *Готье Т.* Путешествие в Россию. М., 1988.
16. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М., 1990.
17. *Де Кюстин А.* Николаевская Россия. М., 1990.
18. Дневник маркизы Вестминстер // Исторический вестник. 1880. Июнь.
19. *Долгопятова Е.* Какая судьба ожидает Казанский собор // Санкт-Петербургские ведомости. 1998. № 36. 25 февраля.
20. *Долгопятова Е.* Освящен Казанский собор // Санкт-Петербургские ведомости. 1998. № 59. 31 марта.
21. *Домбровский Ф.В.* Полный путеводитель по Петербургу и его окрестностям. СПб., 1896.

22. Донесение маркиза де ля Рибера министру иностранных дел. Санкт-Петербург, 22 ноября (4 декабря) 1877 г. // Россия и Испания. Документы и материалы. Т. 2. 1800–1917. М., 1997.
23. *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М., 1987.
24. *Дюма А.* Путевые впечатления в России. Т. 2. М., 1993.
25. *Жихарев С.П.* Записки современника. М. – Л., 1955.
26. Заметки фон Герлаха о пребывании в Петербурге // Русская старина. 1892. Т. 74.
27. Записки Н.В. Басаргина // Деятнадцатый век. Кн. 1. М., 1872.
28. Из воспоминаний леди Блумфильд // Русский архив. 1899. № 6.
29. Из записок графа Ф.В. Ростопчина // Деятнадцатый век. Исторический сборник. Кн. 2. М., 1872.
30. К юбилею Казанского собора // Старые годы. 1911. № 10.
31. Казанский собор передан Церкви // НГ-Религии. 1999. № 24(47). 22 декабря.
32. *Краснов-Левитин А.Э.* Лихие годы. 1925–1941. Париж, 1977.
33. *Курбатов В.Я.* Запоздалые заботы // Старые годы. 1909. № 9.
34. Лавры, монастыри и храмы на св. Руси. Санкт-Петербургская епархия. СПб., 1908.
35. *Лебедева Е.А.* Петроград и его святыни. СПб., 1993.
36. *Лившиц Б.К.* Казанский собор // Петербург в русской поэзии. XVIII – начало XX века. Л., 1988.
37. *Лосев И. и др.* Что случилось у Казанского? // Ленинградская правда. 1989. № 60. 14 марта.
38. *Лялин В.Н.* Владыка // Православный Санкт-Петербург. 2000. № 8(99).
39. *Макин С.* Ум и сердце Кутузова // Наука и религия. 2003. № 4.
40. Малая советская энциклопедия. Т. 3. Ч. 1. М., 1936.
41. Метро. 2003. № 21(462). 3 апреля.
42. *Мироненко О.* В церкви все не так, как было // Смена. 1991. № 91. 19 апреля.

43. *Мироненко О.* Вопрос о закрытии // Ленинградская правда. 1989. № 249. 29 октября.
44. На заводе отлили колокол // Смена. 2003. 14 февраля.
45. НГ-Религии. 2000. № 23(70), 14 декабря.
46. *Никитин Н.* С Богом! // Смена. 1991. № 114. 21 мая.
47. *Одоевцева И.В.* Цикл стихов // Содружество. Из современной поэзии Русского Зарубежья. Вашингтон, 1966.
48. Отчет имп. Академии художеств за 1836–1837 академический год // Художественная газета. 1837. №№ 17–18. Сентябрь.
49. Петровский курьер. 1998. № 35. 21 сентября.
50. *Петрушевский В.А.* Былые годы (1923 г.) // Стихи. Сидней, 1966.
51. *Путерский А.* Богу — Богово! // Смена. 1991. № 58–59. 13 марта.
52. Православный Санкт-Петербург. 1999. № 11(89).
53. Православный Санкт-Петербург. 1999. № 12(90).
54. Православный Санкт-Петербург. 1999. № 8(86).
55. Православный Санкт-Петербург. 2000. № 1(92).
56. *Р-в А.* Вести за месяц // Старые годы. 1910. Ноябрь.
57. Речь прот. Ф. Сидонского при отпевании И.В. Киреевского // Русская беседа. 1856. Т. 2. Приложение 2.
58. Санкт-Петербургские ведомости. 1995. № 213. 5 ноября.
59. Санкт-Петербургские ведомости. 2003. № 68. 11 апреля.
60. *Сидонский Ф., прот.* Речь перед отпеванием тела действительного статского советника Николая Ивановича Надеждина. СПб., 1856.
61. *Симаков П., диак.* На алтарь справедливости // Вечерний Петербург. 1991. № 254. 4 ноября.
62. *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989.
63. *Солдатов В.* Символ устранившейся духовности // Ленинградская правда. 1990. № 65. 22 марта.
64. *Спивак Д.Л.* Северная столица. Метафизика Петербурга. СПб., 1998.
65. *Степанова И.* Будут молитвенно чтить // Вечерний Петербург. 1992. № 192. 19 августа.

66. *Степанова И.* Достояние республики // Русская мысль. 1994. № 4053. 17–23 ноября.
67. *Степанова И.* Крест над Казанским // Вечерний Петербург. 1992. № 251. 30 октября.
68. *Степанова И.* Снова о тайнах Казанского собора // Вечерний Петербург. 1992. 23 сентября.
69. *Степанова И.* Храм без креста // Русская мысль. 1992. № 3930. 22 мая.
70. *Толубеев А.* Страсти вокруг Спаса // Ленинградская правда. 1989. № 86. 12 апреля.
71. *Трефилов Ю.* Славный Андреевский стяг // Санкт-Петербургские ведомости. 1999. № 226. 9 декабря.
72. *Федоров Н.* Вознесение канунного // Санкт-Петербургские ведомости. 1998. № 64. 7 апреля.
73. *Федотов Г.П.* Россия, Европа и мы. Сборник статей. Т. 2. Париж, 1973.
74. *Флоренский П., свящ.* Христианство и культура // Символ. 1989. № 21. Июль.
75. *Фомин И.А.* О праздновании юбилеев знаменитых зодчих // Старые годы. 1910. Сентябрь.
76. Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995.
77. *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1979.
78. *Чулаки М.* Вечерний Петербург. 1991. 25 октября.
79. *Шульц С.С.* Храмы Санкт-Петербурга. СПб., 1994.